

Только в спокойных водах вещи отражаются неискаженными

УРОДЛИВАЯ ЛЮБОВЬ

КОЛИН
ГУВЕР

Более 3 000 000 000 просмотров в *TikTok*

Колин Гувер

Уродливая любовь

Серия «Modern Love»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35015534
Уродливая любовь: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-093780-6

Аннотация

Колин Гувер – автор, которому читатели доверяют свое сердце. Она – мировой тренд, литературный феномен нашего времени, троекратная обладательница премии Goodreads Choice Award в номинации «любовный роман». Ее произведения переведены на десятки языков. Продажи книг Колин Гувер превысили продажи Стивена Кинга и Джорджа Мартина. Более 3 000 000 000 просмотров в TikTok.

«Уродливая любовь» – это история о том, что иногда мы опускаемся на дно, чтобы оттолкнуться от него, и затем всплываем на солнечную поверхность.

Вода – главный символ этой книги. Та, что тянет на дно, когда мы растворяемся в партнере. Та, которой становимся сами, окончательно растворившись в нем. И та, которая может навсегда забрать то, что нам дорого.

«Внезапно хочется одуматься и сбежать, но вместо этого я киваю, потому что согласна на все. Рядом с ним я больше не Тейт.

Я вода, а жидкость не способна проявить твердость. Вода просто течет. Именно этого я и желаю – просто плыть с ним по течению».

Майлзу не нужна любовь, а у Тейт нет времени на серьезные отношения. Их тянет друг к другу, и он ставит условия: не спрашивай о прошлом, не рассчитывай на будущее. И она соглашается.

Тейт пытается убедить себя, что все в порядке, но вскоре понимает, что хочет нарушить оба правила.

Как сказать «нет» тому, кому желаешь говорить лишь «да»?

И как спасти любовь, которая стала уродливой?

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	53
Глава 6	70
Глава 7	75
Глава 8	84
Глава 9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Колин Гувер

Уродливая любовь

© Зюликова Т., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2023

* * *

Вода – главный символ этой книги.

Та, что тянет на дно, когда мы растворяемся в партнере.

Та, которой становимся сами, окончательно растворившись в нем. И та, которая может навсегда забрать то, что нам дорого.

* * *

*Моим лучшим подругам, они же мои сестры, Лин
и Мерфи*

Глава 1

Тейт

– Кто-то оставил след на вашей шее, юная леди.

Я удивленно распахиваю глаза и медленно оборачиваюсь к старичку, что стоит рядом. Он нажимает кнопку лифта и смотрит на меня. Потом улыбается и показывает на мою шею.

– Я про родинку.

Я непроизвольно касаюсь места чуть ниже уха – там, где у меня родимое пятно размером с десятицентовую монетку.

– Мой дед говаривал, родинки способны поведать, чем кончился последний бой у человека в прошлой жизни. Вас, видать, ударили в шею. Зато смерть, наверное, была быстрой.

Я улыбаюсь. Не знаю, пугаться или принять его слова за шутку. Мрачный способ завязать беседу, но вряд ли мужчина опасен. Судя по сгорбленной спине и неуверенной походке, ему никак не меньше восьмидесяти.

Мужчина делает пару медленных шагов к обитому бархатом креслу, одному из двух, что приставлены к стене у лифта. С кряхтением садится и снова глядит на меня.

– Вам на восемнадцатый?

Я подозрительно прищуриваюсь. Старику откуда-то известно, на какой мне этаж, хотя раньше я в этом доме не бы-

вала, да и его самого вижу впервые.

– Да, сэр, – настороженно отвечаю я. – Вы здесь работаете?

– О да.

Он кивает на лифт, а я поднимаю взгляд на светящиеся циферки. Еще одиннадцать этажей. Скорей бы...

– Давлю на кнопку. Вряд ли у моей должности есть официальное название. Сам окрестил себя капитаном воздушного судна. Как-никак отправляю людей в полет – аж до двадцатого этажа.

Я невольно улыбаюсь, потому что отец и брат у меня пилоты.

– И давно служите капитаном? – спрашиваю я, в нетерпении ожидая лифта: в жизни не видела таких медленных.

– Раньше ремонтом занимался, здание обслуживал, пока не состарился. Прежде чем стать капитаном, проработал тут тридцать два года. А людей в полет отправляю уже лет пятнадцать, если не больше. Хозяин сжалился и выделил мне это местечко, чтоб было чем занять себя, пока не помру. – Старик задумчиво улыбается. – Одного он, бедняга, не ведает: бог уготовил мне в жизни много великих свершений, а я так отстал от плана, что теперь не умру никогда.

Я смеюсь, и тут двери лифта наконец-то открываются. Я берусь за ручку чемодана и еще раз смотрю на собеседника, прежде чем шагнуть внутрь.

– Как вас зовут?

– Сэмюэл, но называйте меня Кэп. Все так делают.

– А у вас есть родинки, Кэп?

Лицо старика расплывается в улыбке.

– Вообще-то, да. Похоже, в прошлой жизни мне прострелили зад. Наверное, умер от потери крови.

Я с улыбкой поднимаю ладонь ко лбу – салютую ему, как настоящему капитану. Потом вхожу в лифт и, пока двери не закрылись, окидываю взглядом роскошно обставленный вестибюль. Величественные колонны, мраморные полы... Больше похоже на старинный отель, чем на многоквартирное здание.

Когда Корбин предложил мне пожить у него, пока буду искать работу, я и не догадывалась, что он ведет настоящую взрослую жизнь. Думала, будет как в прошлый раз, когда я приезжала к нему в гости после окончания школы, а он только начинал учиться на летчика. Было это четыре года и одно обшарпанное двухэтажное здание тому назад. Я и на этот раз ожидала чего-то в том же духе. И уж точно не рассчитывала на роскошный небоскреб в центре Сан-Франциско.

Нажимаю на кнопку восемнадцатого этажа и смотрюсь в зеркальную стену лифта. Вчерашний день и большую часть утра я провела у себя в комнате в Сан-Диего, упаковывая вещи. К счастью, имущества у меня немного, однако после долгой, утомительной поездки длиной в пятьсот миль следы усталости на лице не скрыть. Волосы собраны в небрежный узел на макушке, который пришлось закрепить карандашом

– не нашла в машине резинку. Глаза, обычно карие, почти в цвет волос, сейчас кажутся еще темнее – спасибо образовавшимся под ними мешкам.

Роюсь в сумочке в поисках гигиенической помады – пусть хотя бы губы выглядят прилично. Двери начинают закрываться и тут же вновь разъезжаются. К лифту спешит молодой мужчина, на ходу благодаря Кэпа.

Самого старика я не вижу, зато слышу, как он что-то бурчит в ответ. Похоже, беседовать с этим человеком он расположен куда меньше, чем со мной.

На вид моему попутчику лет двадцать пять – тридцать. Он с улыбкой смотрит на меня, и я точно знаю, что у него на уме, потому как он незаметно прячет в карман левую руку. Руку с обручальным кольцом.

– Десятый, – говорит он, не сводя с меня глаз. Уставился на вполне скромный вырез моей футболки, потом покосился на чемодан.

Я жму на кнопку указанного этажа.

Надо было надеть свитер...

– Переезжаете? – интересуется незнакомец, откровенно пялясь на мою грудь.

Я киваю. Впрочем, вряд ли он видит мой кивок, ибо взгляд его направлен гораздо ниже.

– На какой этаж?

Ну уж нет!

Я загораживаю панель обеими руками, чтобы любопыт-

ный тип не увидел светящееся число восемнадцать, и по очереди надавливаю на все кнопки между десятой и восемнадцатой. Тот озадаченно смотрит на панель.

– Не ваше дело, – говорю я.

Он смеется. Думает, шучу. Выгибает густую темную бровь. Красивая бровь. Красивое лицо. Красивая голова. Красивое тело. Женатое тело.

Вот придурок...

Заметив, что я его разглядываю, мой попутчик обольстительно улыбается. Вот только изучаю я его совсем не с той целью, с какой ему хотелось бы. Просто пытаюсь угадать, скольких женщин помимо жены он соблазнил.

Бедная его жена...

Лифт останавливается на десятом, а мужчина опять обращает внимание на вырез моей футболки.

– Могу помочь. – Он кивает на чемодан.

Красивый голос. Интересно, сколько девушек повелось на соблазнительный голос этого женатого мужчины?..

Он подходит ко мне и решительно давит на кнопку, закрывающую двери.

Я, глядя на него в упор, жму на другую, чтобы снова их открыть.

– Сама справлюсь.

Незнакомец качает головой, словно все понял, однако его глаза по-прежнему масленисто блестят, отчего моя неприязнь к нему только растет.

Он выходит из лифта и оборачивается.

– Еще увидимся, Тейт.

Хмурюсь. Неприятно – первые же два человека, которых я встретила в этом здании, уже в курсе, кто я такая.

Остаток пути еду в одиночестве. С остановками на каждом этаже, пока не доезжаю до восемнадцатого. Выхожу, достаю из кармана телефон и просматриваю переписку с Корбином. Не помню номер его квартиры. То ли 1816, то ли 1814.

Или 1826?

Перед квартирой 1814 я останавливаюсь как вкопанная, потому что на полу, привалившись к двери номер 1816, спит пьяный парень.

Пожалуйста, только не 1816...

Отыскиваю нужное сообщение и досадливо морщусь. 1816.

Ну кто бы сомневался...

Медленно подхожу к двери, стараясь не разбудить спящего. Он полулежит спиной к двери, уткнувшись подбородком в грудь, ноги широко раскинуты. Еще и храпит.

– Простите... – бормочу я.

Никакой реакции.

Я дотрагиваюсь ногой до его плеча.

– Мне нужно попасть в эту квартиру.

Парень с трудом открывает глаза и упирается взглядом мне в ноги. Морщит лоб, медленно протягивает руку и ты-

чет ею в мою коленку, словно ничего подобного в жизни не видел. Потом откидывается назад и опять засыпает.

Ну, отлично...

Корбин прилетит только завтра, я звоню ему, чтобы узнать, бояться ли мне этого пьяного или нет.

– Тейт? – говорит Корбин, даже не поздоровавшись.

– Да. Добралась хорошо, но в квартиру попасть не могу, потому что перед ее входом спит пьяный мужик. Какие будут предложения?

– Номер 1816? Уверена, что стоишь у нужной двери?

– Ответ утвердительный.

– Он точно пьяный?

– Ответ утвердительный.

– Странно... А одет во что?

– Какая разница во что?

– Если на нем форма пилота, скорее всего, местный. У дома договор с нашей авиакомпанией.

На пьяном – джинсы с черной футболкой, которые – не могу не отметить – очень ему идут.

– На нем нет формы.

– Можешь попасть в квартиру, не разбудив этого типа?

– Сначала его нужно подвинуть. Если просто открыть дверь, он завалится внутрь.

Несколько мгновений Корбин молча раздумывает.

– Спустись на первый этаж и найди Кэпа, – наконец предлагает он. – Я его предупредил о твоём приезде. Пусть побу-

дет с тобой, пока не зайдешь внутрь.

Я шесть часов провела за рулем и меньше всего на свете хочу опять спускаться на первый. Да и потом, какой толк от Кэпа в такой ситуации?

– Просто не вешай трубку, пока я не попаду в квартиру.

Собственный план мне больше по вкусу. Зажав телефон между плечом и ухом, я отыскиваю в сумочке ключ, который прислал Корбин. Вставляю в замочную скважину и поворачиваю. Однако чем шире открывается дверь, тем дальше заваливается пьяный. Он недовольно мычит, но глаз не открывает.

– Жаль, он в отключке, – говорю я в телефон. – Выглядит ничего так.

– Тейт, просто войди в квартиру и запри дверь, чтобы я мог спокойно повесить трубку!

Закатываю глаза. Братец неисправим. Боюсь, мой переезд плохо скажется на наших отношениях, особенно если вспомнить, как он вечно меня опекал. Впрочем, выбора нет: я ни работу не успела найти, ни квартиру снять, ни освоиться на новом месте до начала учебного года.

Надеюсь, в этот раз все будет иначе. Корбину двадцать пять, а мне двадцать три, и если мы не сумеем поладить лучше, чем в детстве, значит, нам обоим еще только предстоит повзрослеть.

Думаю, все зависит в первую очередь от Корбина – от того, насколько он изменился с тех пор, как мы последний раз

жили вместе. Тогда критика брата обрушивалась на каждого парня, с которым я встречалась, – а заодно на всех моих друзей, и вообще, любой мой выбор, даже колледж, куда я решила поступить. Впрочем, его мнение никогда меня не волновало. Последние несколько лет мы жили порознь, Корбин наконец-то от меня отстал, и мой переезд послужит для нас окончательной проверкой на терпимость.

Я забрасываю сумочку на плечо, но она цепляется за чешмодан и падает на пол. Левой рукой я крепко стискиваю ручку, чтобы дверь не открылась и пьяный не рухнул внутрь. Ногой упираюсь ему в плечо – хочу сдвинуть в сторону. Безрезультатно.

– Корбин, он слишком тяжелый. Придется прервать разговор, чтобы освободить обе руки.

– Нет, не надо. Положи телефон в карман, но не отключайся.

Я осматриваю себя: футболка, легинсы.

– Карманов нет, так что отправляешься в лифчик.

Корбин издает такой звук, будто его тошнит. Я запикиваю телефон в лифчик, достаю ключ из замочной скважины и бросаю в сторону сумочки, но промахиваюсь, и ключ падает на пол. Потом приподнимаю пьяного парня за плечи.

– Так, приятель, – говорю я, пробуя оттащить его в сторону. – Прости, что потревожила твой сон, но мне нужно в квартиру.

С грехом пополам я прислоняю его к косяку. Распахиваю

дверь и поворачиваюсь, чтобы забрать вещи.

Что-то теплое обхватывает меня за лодыжку.

Цепенею.

Смотрю вниз.

– Пусти! – визжу и пытаюсь стряхнуть руку, которой парень держит меня за ногу – так крепко, что наверняка останутся синяки.

Он глядит прямо на меня. Я дергаю ногой и лечу спиной назад – в квартиру.

– Мне нужно туда... – слышу я, приземлившись на попу.

Второй рукой парень старается шире открыть дверь, и меня охватывает паника. Затягиваю ноги в квартиру, однако пьяный все еще держит меня за лодыжку. Свободной ногой я захлопываю дверь и прищемляю ему руку.

– Твою ж мать! – вскрикивает он, пробуя освободиться, но моя нога подпирает дверь. Я отодвигаю ее ровно настолько, чтобы парень успел отдернуть руку, миг – и я уже на ногах, запираюсь на замок, засов и цепочку.

Понемногу сердце успокаивается, и я слышу, как оно орет на меня.

В буквальном смысле слова.

Низким мужским голосом:

– Тейт! Тейт!

Корбин...

Смотрю на свою грудь и выуживаю телефон из лифчика.

– Тейт! Ответь!

Морщусь и немного отдаляю телефон от уха.

– Все в порядке, – отвечаю, с трудом переводя дыхание. – Я в квартире. Дверь заперла.

– Господи!.. – с облегчением произносит Корбин. – Напугала меня до смерти! Что случилось?

– Пытался внутрь проникнуть, но я захлопнула дверь.

Я щелкаю выключателем, делаю три шага в глубь гостиной и останавливаюсь как громом пораженная.

Да уж, ты молодчина, Тейт...

Осознав, что натворила, я медленно разворачиваюсь к двери.

– Э-э... Корбин... Кажется, я забыла в коридоре кое-какие вещи. Я бы их забрала, но тот парень с чего-то решил, будто ему обязательно нужно к тебе в квартиру, поэтому дверь я не открою ни за что. Какие будут предложения?

Несколько мгновений Корбин просто молчит.

– Что именно ты забыла?

Признаваться не хочется, но я все-таки говорю:

– Чемодан.

– Господи, Тейт...

– И сумочку.

– Ее-то как умудрилась забыть?

– А еще я, кажется, оставила на полу ключ от квартиры.

На этот раз он уже ничего не говорит – только стонет.

– Сейчас Майлзу позвоню – выясню, дома ли он. Дай мне пару минут.

– Подожди... Кто такой Майлз?

– Сосед из квартиры напротив. Ради бога, не открывай дверь, пока не перезвоню.

Корбин отключается, а я облегченно прислоняюсь к двери.

Всего каких-то полчаса в Сан-Франциско, и уже умудрилась усложнить брату жизнь. Как обычно. Хорошо, если он разрешит мне остаться, пока не найду работу. Надеюсь, это не займет много времени, ведь я уже ответила на три вакансии в ближайшей больнице. Возможно, придется вкалывать по ночам и выходным, но я на все согласна, лишь бы не трогать сбережений, пока не закончу учебу.

Звонит телефон. Я провожу большим пальцем по экрану, чтобы ответить.

– Алло!

– Тейт?

– Да.

Непонятно, зачем Корбин всегда переспрашивает. Он же мне звонит. Кто еще может ему ответить, кроме меня? Да еще и моим голосом!

– Дозвонился до Майлза.

– Отлично. Он поможет спасти мои вещи?

– Не совсем. Вообще-то, мне придется попросить тебя о большой услуге.

Я снова прислоняюсь головой к двери. Предчувствую, следующие несколько месяцев будут богаты на всевозмож-

ные услуги: Корбин прекрасно понимает, какое огромное одолжение мне сделал, предложив пожить у себя. Грязная посуда? Естественно. Стирка? Разумеется. Походы в магазин? Куда же без них!

– Что за услуга?

– В общем, Майлзу нужна помощь.

– Твоему соседу?

Внезапно до меня доходит, и я крепко зажмуриваюсь.

– Корбин, только не говори, что сосед, который должен спасти меня от пьяного парня, и есть этот пьяный парень!

– Открой дверь ипусти его. Пусть проспится на диване. Я вернусь рано утром. Как только Майлз протрезвеет, он сразу поймет, где находится, и уйдет к себе.

– В хорошеньком же доме ты живешь! Может, мне сразу привыкнуть к мысли, что каждый раз по возвращении с работы меня будут лапать пьяные мужики?

Долгая пауза.

– Он тебя трогал?

– Ну, «лапал», пожалуй, преувеличение. Схватил за лодыжку.

– Ради меня, Тейт. Только перезвони, когда перетащишь Майлза и вещи в квартиру.

– Хорошо, – неохотно соглашаюсь я, так как в голосе брата слышно беспокойство.

Отключаюсь и открываю дверь. Пьяный сосед по имени Майлз валится на бок. Телефон выскальзывает у него из ру-

ки и падает на пол рядом. Я переворачиваю Майлза на спину. Он пытается на меня взглянуть, но веки у него тут же опускаются.

– Ты не Корбин, – бормочет он.

– Нет. Я твоя новая соседка, и, судя по всему, очень скоро ты мне будешь должен минимум пятьдесят стаканов сахара.

Я приподнимаю Майлза за плечи и пробую его усадить, но ничего не выходит. Похоже, сидеть он просто не в состоянии. Как вообще можно напиться до такой степени?!

Тогда я хватаю его за руки и, дюйм за дюймом, волоком тащу в квартиру – ровно настолько, чтобы закрыть дверь. Следом заносу вещи и защелкиваю на замок. Сую ему под голову диванную подушку и поворачиваю на бок – на случай если вырвет во сне.

Больше никакой помощи он от меня не дожидается.

Устроив Майлза на полу, иду осматривать свое новое жилье. Гостиная в три раза больше, чем в прежней квартире Корбина. Столовая совмещена с гостиной, а кухня наполовину отгорожена перегородкой. На стенах – картины с современной живописью; золотисто-коричневые плюшевые диваны приятно оттеняют их яркие краски. Когда я гостила у Корбина в последний раз, у него только и было, что матрас на полу, кресло-мешок и постеры с моделями на стенах. Похоже, наконец-то брат повзрослел.

– Круто, Корбин, – говорю я вслух, переходя из комнаты в комнату и повсюду включая свет, чтобы осмотреть свое вре-

менное жилище. Так здорово, что даже обидно. Трудновато будет съезжать отсюда в собственную квартиру, когда накоплю на нее достаточно денег.

Захожу на кухню, заглядываю в холодильник. В дверце рядом – приправы и соусы, на средней полке – коробка с остатками пиццы, на верхней – бутылка из-под молока.

Ничего удивительного. Напрасно было ждать, что брат переменится целиком и полностью.

Я достаю бутылку с водой и отправляюсь на поиски комнаты, где мне предстоит провести несколько следующих месяцев. В квартире только две спальни, так что я занимаю свободную и ставлю чемодан на кровать. Еще в машине остались три сумки, а также не меньше шести коробок, не говоря уже об одежде на плечиках. Но я не намерена перетаскивать вещи сегодня. Корбин обещал вернуться завтра утром, так что предоставляю эту работу ему.

Натягиваю майку и спортивные брюки, чищу зубы и готовлюсь ко сну. Обычно я нервничаю наедине с незнакомцами. Но сейчас чутье подсказывает: не о чем беспокоиться. Брат никогда бы не попросил меня помочь человеку, который способен мне навредить. Однако если Майлз всегда себя так ведет, очень странно, что Корбин позволил его впустить.

Брат никогда не подпускал ко мне парней, а виноват в этом Блейк, его лучший друг и мое первое серьезное увлечение. Мне было тогда пятнадцать, а Блейку – семнадцать, и я по уши в него втрескалась. Разумеется, мы с подружками

влюблялись почти во всех друзей Корбина – просто потому, что те были старше.

Почти каждые выходные Блейк оставался у нас с ночевкой, и мы всегда находили возможность побыть вдвоем, пока Корбин не видит. Через несколько недель Блейку надоело прятаться, и он заявил, что намерен открыто объявить о наших отношениях. Однако он явно не предусмотрел, когда разбивал мне сердце, как на это отреагирует Корбин.

А Блейк разбил его настолько, насколько вообще возможно разбить сердце пятнадцатилетки после двух недель тайных встреч.

Выяснилось, что в течение этих самых двух недель Блейк, не таясь, встречался еще с несколькими девчонками. Когда Корбин об этом узнал, их дружбе пришел конец, а других приятелей он накрепко предостерег, чтобы те и приближаться ко мне не смели. В результате в старших классах я вообще ни с кем не встречалась, пока брат наконец не уехал. Но и после его отъезда парни, наслушавшись всяких ужасов, опасались связываться с младшей сестренкой Корбина.

Тогда это меня бесило, а вот теперь пришлось бы кстати. После окончания школы неудачных отношений у меня было предостаточно. С последним парнем я прожила больше года, пока мы оба не поняли, что ждем от жизни слишком разного. Он мечтал, чтобы я сидела дома, а я хотела строить карьеру.

И вот я здесь – учусь в магистратуре на медсестру и делаю все от меня зависящее, чтобы избежать романтических

отношений.

Может, переезд к Корбину – не такая уж плохая идея?

Я иду в гостиную, чтобы выключить свет. Заворачиваю за угол и застываю на месте.

Мало того что Майлз уже не на полу – он в кухне, за столом, уронил голову на руки. Сидит на высоком барном табурете и того и гляди с него сверзнется. Не пойму, спит он или просто приходит в себя.

– Майлз?..

Он не реагирует, поэтому подхожу и осторожно кладу ему руку на плечо.

Майлз тут же вскидывает голову и беззвучно вскрикивает, словно я разбудила его посреди сновидения. Или кошмара. Соскальзывает с табурета и неуверенно встает на ноги, но немедленно начинает шататься. Я закидываю руку Майлза себе на плечо и пробую увести с кухни.

– Пошли на диван, приятель.

Ноги у Майлза заплетаются, отчего поддерживать его еще труднее.

– Я не приятель, – с трудом выговаривает он. – Я Майлз. Добравшись до дивана, я осторожно отклеиваю его от себя.

– Так, Майлз или кто ты там у нас. Просто ложись и спи.

Он валится на диван, увлекая и меня за собой. Я падаю сверху и сразу пытаюсь отстраниться.

– Рейчел, не уходи... – молит Майлз и тянет меня за руку.

– Меня зовут не Рейчел, – возражаю, высвобождаясь из его хватки. – Меня зовут Тейт.

Зачем сказала? Вряд ли завтра он вспомнит о нашей беседе.

Я подхватываю с пола подушку, хочу отдать ее Майлзу, но медлю. Он лежит на боку, уткнувшись лицом в диванный валик и вцепившись в обивку с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Сначала кажется, что его вот-вот вырвет, но в это же мгновение я понимаю, что ошиблась.

Майлза не рвет.

Он плачет.

Отчаянно и беззвучно.

Я даже не знакома с этим парнем, но тяжело смотреть на такое горе. Перевожу взгляд то на коридор, то на Майлза, пытаюсь решить, что делать: может, лучше оставить его в покое? Не хватало еще впутаться в чужие проблемы. До сих пор мне удавалось не принимать участия во всяческих драмах, и начинать сейчас я не намерена. Мое первое побуждение – уйти, но почему-то я сочувствую Майлзу. Похоже, его горе искреннее, а не просто результат выпитого.

Я опускаюсь на колени и касаюсь его плеча.

– Майлз...

Он делает глубокий вдох, медленно поднимает голову и смотрит на меня. Глаза у него заплывшие, красные – непонятно, от слез или от алкоголя.

– Прости, Рейчел...

Майлз притягивает меня к себе и утыкается лицом мне в плечо.

– Прости...

Понятия не имею, кто такая Рейчел и что он ей сделал, но, если ему настолько плохо, даже страшно представить, каково сейчас ей. Приходит мысль найти в его телефоне ее номер и позвонить, чтобы она пришла и как-то все исправила. Вместо этого я осторожно укладываю Майлза на диван и подсовываю ему под голову подушку.

– Спи, Майлз, – ласково говорю я.

Когда Майлз падает на подушку, в его глазах видна невыразимая боль.

– Как же ты меня ненавидишь... – бормочет он, стискивая мою руку.

Его веки тяжело опускаются, и он издает горестный вздох.

Я смотрю на него молча до тех пор, пока он не прекращает плакать. Потом высвобождаю руку и еще немного сижу рядом.

Майлз утих, но вид такой, будто он по-прежнему в царстве боли: складки на лбу, дыхание сбивчивое.

Только теперь я замечаю на его лице едва заметный неровный шрам около четырех дюймов длиной. Он тянется вдоль подбородка, чуть-чуть не доходя до рта. Хочется провести по шраму пальцем – странное желание. Вместо этого я дотрагиваюсь до волос Майлза. Они короткие на висках и чуть длиннее на макушке. Золотисто-каштановые – идеальное сочета-

ние. Я глажу Майлза по голове, чтобы как-то его утешить, хотя он, быть может, этого и не заслуживает.

Кто знает, может, совесть не зря его мучит за то, что он сделал с Рейчел, но, по крайней мере, вину он сознает – это очевидно.

В чем бы Майлз ни провинился, он так сильно любит эту Рейчел, что глубоко сожалеет о содеянном.

Глава 2

Майлз

Шестью годами ранее

Я захожу в кабинет и кладу журнал посещаемости секретарше на стол. Не успеваю выйти, чтобы вернуться в класс, как она меня останавливает.

– Майлз, у тебя же мистер Клейтон ведет литературу?

– Да. Передать ему что-то?

Телефон на столе звонит. Миссис Борден берет трубку и прикрывает ее рукой.

– Подожди пару минут, – велит она и кивком указывает на кабинет директора. – В школу только что поступила новая ученица. У нее тоже занятие с мистером Клейтоном. Проводишь ее в класс?

Я говорю «да» и плюхаюсь на стул рядом с дверью. Обвожу взглядом кабинет и осознаю, что сижу здесь впервые за четыре года. То бишь к директору меня не вызвали ни разу за все время учебы в старшей школе.

Мама бы мной гордилась, а вот я сам в себе разочарован. Каждый нормальный парень хоть раз должен попасть на ковер к директору.

Ну ничего, впереди целый год, будет время наверстать упущенное.

Вытаскиваю из кармана мобильник, втайне надеясь, что миссис Борден заметит и в наказание оставит меня после уроков. Однако она только улыбается и продолжает телефонный разговор.

Разочарованно тряхнув головой, пишу Иэну эсэмэску.

В нашей школе так редко что-нибудь происходит, что любая новость – уже событие.

Я: К нам поступила новенькая. Выпускной класс.

Иэн: Хорошенькая?

Я: Еще не видел. Жду, чтобы проводить на урок.

Иэн: Если хорошенькая, сфоткай.

Я: Ок. Кстати, сколько раз тебя оставляли после уроков в этом году?

Иэн: Два. А что? Что-нибудь натворил?

Два?! Да, определенно надо поднажать. Не сдать домашнее задание вовремя, к примеру.

Я – лузер.

Дверь в кабинет директора открывается, я прячу телефон в карман, поднимаю глаза...

И больше не хочу их опускать. Никогда.

– Рейчел, Майлз проводит тебя в класс к мистеру Клейтону.

Миссис Борден указывает в мою сторону, и Рейчел идет ко мне.

Чувствую, что ноги больше не способны удерживать меня в вертикальном положении.

Губы разучились шевелиться.

Рука отказывается подняться, чтобы представить того, кому она принадлежит.

Сердце забыло, что сперва нужно узнать девушку поближе, а уж потом рваться ей навстречу.

Рейчел.

Рейчел.

Рейчел, Рейчел, Рейчел...

Она как поэзия.

Как проза, любовное письмо, слова песни,
стекающие

по

странице.

Рейчел, Рейчел, Рейчел...

Я все повторяю и повторяю мысленно это имя, ибо уверен: оно принадлежит той, в которую я очень скоро буду влюблен.

Я встаю со стула, иду ей навстречу. Кажется, улыбаюсь – делаю вид, будто не околдован этими зелеными глазами, наполняющими меня надеждой, что когда-нибудь они будут сиять лишь мне одному. Что не зачарован копной этих огненно-рыжих волос, которые выглядят так, словно их не касался ни один парикмахер с того самого момента, как Бог выдумал их специально для этой девушки.

Я говорю, что меня зовут Майлз. Что провожу ее в класс.

Смотрю на Рейчел во все глаза: она еще и слова не сказала, но ее кивок – лучшее, что я когда-либо получал от девушки.

Спрашиваю, откуда она.

– Из Аризоны. Город Феникс.

Не пытаюсь выяснить, что за причина побудила ее переехать в Калифорнию. Сообщаю, что папа часто ездит в Феникс по делам, он владеет там несколькими зданиями.

Рейчел улыбается.

Говорю, что не был там никогда, но хотел бы съездить.

Рейчел вновь улыбается.

Кажется, она ответила, что это красивый город, но слышу я с трудом, потому что в голове у меня звучит лишь одно ее имя.

Рейчел...

Я скоро полюблю тебя, Рейчел...

От ее улыбки тянет болтать без умолку, и, когда мы проходим мимо класса мистера Клейтона, я как раз задаю ей новый вопрос.

Мы продолжаем идти.

Рейчел продолжает говорить, потому что я все спрашиваю и спрашиваю.

Она кивает, рассказывает, поет...

Да, больше всего это похоже на пение.

Мы доходим до конца коридора, когда Рейчел рассказывает, что не хотела покидать Феникс и надеется, что в новой школе ей понравится.

Похоже, она не рада переезду.

И ей даже невдомек, как счастлив я.

– А где же класс мистера Клейтона?

Не отрываясь смотрю на губы, с которых только что слетел этот вопрос. Они у Рейчел неодинаковые. Верхняя чуть тоньше нижней, но пока она молчит, это незаметно. Пытаюсь осмыслить, почему слова звучат гораздо красивее, когда сходят с ее губ.

А глаза... Наверняка мир, который они видят, краше и безмятежней, чем мир в глазах других людей.

Несколько мгновений я молча смотрю на Рейчел, потом машу рукой назад и признаюсь: мы прошли мимо.

Ее щеки слегка розовеют, точно мое признание действует на нее так же, как она сама на меня.

Рейчел...

Ты полюбишь меня, Рейчел...

Я придерживаю для нее дверь и сообщаю мистеру Клейтону, что Рейчел новенькая.

С удовольствием объявил бы всем парням в классе, что никому из них Рейчел не достанется.

Она – моя.

Но ничего не говорю.

Это и не обязательно, потому что единственный человек, которому следует знать, что мне нужна Рейчел, – сама Рейчел.

Она смотрит на меня, снова улыбается и занимает остав-

шее свободное место в другом конце класса.

В ее глазах понимание – да, она уже знает, что моя.

Это лишь вопрос времени.

Мне хочется написать Иэну: она не хорошенькая. Она – просто бомба. Но такой ответ его лишь позабавит.

Вместо этого я украдкой фотографирую Рейчел на телефон и посылаю Иэну фото вместе с сообщением:

Это будущая мать моих детей.

Мистер Клейтон начинает урок.

Майлз Арчер сходит с ума.

* * *

С Рейчел мы познакомились в понедельник.

Сегодня пятница.

С того самого дня я с ней так и не заговорил. Сам не знаю почему. У нас три общих урока. Каждый раз Рейчел улыбается, словно ждет, что я к ней подойду. Каждый раз я собираюсь с духом и тут же себя отговариваю.

Я всегда был уверен в себе. Пока не встретил Рейчел.

Сегодня – крайний срок. Если не решусь, упущу единственный шанс. Такие девушки недолго остаются свободными.

Если Рейчел вообще свободна.

Не знаю о ней ровным счетом ничего. Есть ли, нет ли у нее парня в Фениксе. Выяснить это можно только одним способом.

Я стою рядом со шкафчиком Рейчел в раздевалке и жду. Она выходит из класса и улыбается мне.

Здороваясь:

– Привет!

Вижу, что щеки у нее вновь слегка порозовели. Обнадеживает.

Интересуюсь, как прошла первая неделя.

– Хорошо.

Спрашиваю, подружилась ли она уже с кем-нибудь.

– Кое с кем.

Принюхиваюсь осторожно.

Нет, все равно заметила.

Говорю, что от нее приятно пахнет.

– Спасибо.

Я делаю усилие – несмотря на бешеный стук сердца, отдающийся прямо в ушах, на влажные ладони и звучащее в голове имя «Рейчел», которое хочется произносить вслух, снова и снова. Отпихиваю все это в сторону, ловлю ее взгляд и спрашиваю, не хочет ли она сходить куда-нибудь сегодня вечером.

Потом расчищаю место для ответа, потому что он – единственное, что мне сейчас нужно.

Хотя бы улыбка...

Хотя бы молчаливый кивок...

Не кивает.

Она занята.

Все, что я пытался сдержать, обрушивается на меня с десятикратной силой, словно река, прорвавшая плотину. Стук сердца, потные ладони, ее имя и новое чувство неуверенности в себе, о существовании которого я и не подозревал, чувство, которое теперь прочно засело у меня в груди. Все это непреодолимой стеной отгораживает меня от Рейчел.

– А завтра я свободна, – произносит она, и стена рушится.

Я освобождаю место для ее ответа. Много места. Даю этим словам полностью заполнить себя. Впитываю их, как губка. Ловлю на лету и проглатываю.

– Завтра годится, – говорю я и вытаскиваю из кармана мобильник, даже не пытаюсь скрыть улыбку. – Скажи мне свой телефон. Я позвоню.

Рейчел диктует номер.

Она взволнована.

Она взволнована!!!

Я записываю ее номер, который сохраню очень и очень надолго.

И я буду звонить по нему.

Часто.

Глава 3

Тейт

При других обстоятельствах, если бы я проснулась, открыла глаза и увидела сердитого мужчину, который сверлит меня взглядом на пороге комнаты, я бы завизжала. Швырнула бы в него что-нибудь. Юркнула бы в ванную и заперлась изнутри.

Ничего подобного я, однако, не делаю, только смотрю на незнакомца в полнейшем недоумении.

Неужели это тот человек, который валялся пьяным в коридоре? Тот самый, который прошлым вечером рыдал, пока не уснул?

Этот мужчина грозен. Этот мужчина разъярен. Этот мужчина смотрит так, словно ждет извинений или объяснений.

И все-таки это он: джинсы и черная футболка те же, в которых он заснул прошлым вечером. Единственная перемена – сегодня парень способен самостоятельно держаться на ногах.

– Тейт, что у меня с рукой?

Майлз в курсе, как меня зовут. Потому что Корбин рассказал о моем приезде? Или потому, что помнит, как я назвала свое имя? Я бы предпочла первое. Не хочу, чтобы у него остались какие-то представления о прошлом вечере.

При мысли, что Майлз может знать, что рыдал в подушку, а я его утешала, становится неловко.

Однако Майлз понятия не имеет, что у него с рукой. Возможно, не помнит и всего остального.

Он стоит, прислонившись к двери и скрестив на груди руки. Вид рассерженный, словно это по моей вине у него была тяжелая ночь. Перекатываюсь на бок и натягиваю одеяло до самой макушки. Просыпаться я не готова, хотя Майлз и считает, что я обязана ему что-то объяснять.

– Будешь выходить, запри за собой дверь, – говорю в надежде, что он поймет намек и уйдет.

– Где мой телефон?

Я зажмуриваюсь и пытаюсь не обращать внимания на плавный голос, который льется в мои уши и растекается по всему телу, согревая даже в тех местах, где не справляется тонкое одеяло.

Приходится напомнить себе, что человек, которому принадлежит этот чувственный голос, стоит на пороге моей спальни и грубо чего-то требует, даже не поблагодарив за помощь. Интересно, а где же «спасибо»? Где «Привет! Меня зовут Майлз. Приятно познакомиться»?

Видимо, от Майлза такого не дождешься. Слишком поглощен своими рукой и телефоном. Озабочен собственной персоной настолько, что совершенно не думает о тех, кому причинил беспокойство безрассудным поведением. Если этот парень и его высокомерие станут моими соседями на

ближайшие несколько месяцев, лучше сразу поставить его на место.

Я сбрасываю одеяло, подхожу к двери и сверлю Майлза глазами.

– Будь добр, сделай шаг назад.

Как ни удивительно, он повинуется. Продолжая смотреть ему прямо в лицо, захлопываю дверь у него перед носом, с улыбкой возвращаюсь в постель и снова натягиваю на голову одеяло.

Победа за мной.

Кстати, я упоминала, что не люблю рано вставать?

Дверь снова открывается.

Нет, распахивается.

– Да что с тобой такое?! – возмущается Майлз.

Я со стоном сажусь в кровати и поворачиваюсь к нему. Он по-прежнему на пороге, смотрит на меня так, словно чего-то ждет.

– Отвали!

Похоже, Майлз не ожидал грубого ответа. Меня охватывает стыд. Впрочем, это же мой гость ведет себя как последняя свинья...

Я так думаю.

Он первый начал...

Я так думаю.

Несколько мгновений Майлз пристально смотрит на меня.

– Мы с тобой что... – он показывает пальцем сначала на меня, потом на себя, – замутили прошлой ночью? Ты поэтому злишься?

Смеюсь. Мои подозрения оправдались.

Майлз – форменная свинья.

Отлично. Мой новый сосед напивается в хлам и таскает домой столько баб, что и вспомнить потом не может, с кем у него было, а с кем – нет.

Только я открываю рот, чтобы ответить, как слышу: хлопает входная дверь и Корбин зовет меня по имени.

Бросаюсь вперед, но Майлз все еще стоит на пороге, буравит меня взглядом и ждет ответа на свой вопрос. Хочу сказать что-нибудь, но его глаза заставляют меня ненадолго смеяться.

Таких глаз я еще не видела. Ничего общего со вчерашними, красными и заплывшими. Сегодня они светло-голубые, почти прозрачные. Неотрывно смотрю в них, словно надеюсь разглядеть там волны, такие же голубые, как воды Карибского моря. Впрочем, я никогда не была на Карибах.

Майлз моргает, Карибы забыты, и я возвращаюсь в Сан-Франциско. Возвращаюсь к себе в комнату. Возвращаюсь к вопросу, который он задал, прежде чем объявился Корбин.

– «Замутили» – неподходящее словечко для того, чем мы вчера занимались, – шепчу я и жду, чтобы он позволил мне пройти.

Майлз выпрямляется в полный рост, всей своей позой

воздвигая между нами невидимый барьер.

Судя по мрачному виду, мысль о том, что между нами что-то было, ему неприятна. В его взгляде почти отвращение, отчего он нравится мне еще меньше.

Я отказываюсь отступить, и мы не отрываем глаз друг от друга, даже когда Майлз делает шаг в сторону, пропуская меня. Едва я выхожу из комнаты, как сталкиваюсь с Корбином. Он переводит взор то на меня, то на Майлза, но я без слов даю ему понять, насколько далеки от истины его подозрения.

– Привет, сестренка, – говорит Корбин и притягивает меня к себе.

Мы не виделись почти полгода. Иногда не осознаешь, как сильно скучаешь по кому-то, пока вновь с ним не встретишься. Впрочем, в нашем случае это не так. По Корбину я тоскую постоянно. Хотя порой его назойливая опека и действует мне на нервы, она свидетельствует о нашей близости.

Корбин дергает меня за волосы.

– Отросли. Мне нравится.

По-моему, так надолго мы еще не разлучались. Я убираю прядку с его лба.

– И твои. Но мне не нравится.

Улыбаюсь, чтобы Корбин не подумал, будто я серьезно. На самом деле я люблю его слегка небрежный вид. Все говорят, что мы с братом очень похожи, но сама я особого сходства не нахожу. Кожа у Корбина смуглее – всегда ему завидовала. Волосы у нас одного темно-каштанового цвета, а вот

черты лица разные, особенно глаза. Мама всегда говорила, что, если соединить наши глаза вместе, получится дерево: его – зеленые, как листва, мои – коричневые, словно кора. В детстве я мечтала, чтобы листья достались мне, потому что любила зеленый цвет.

Корбин кивком приветствует Майлза.

– Привет, дружище. Тяжелая ночь? – спрашивает он и смеется. Ему прекрасно известно, какая именно ночь выдалась у Майлза.

Майлз протискивается мимо нас.

– Понятия не имею, – бурчит он. – Ничего не помню.

Заходит на кухню и достает из шкафа кружку, прямо как в собственной квартире.

Не нравится мне это.

Не нравится Майлз, который чувствует себя здесь как дома.

Майлз по-хозяйски отыскивает в другом шкафу баночку аспирина, наливает в чашку воды и забрасывает в рот две таблетки.

– Все вещи перенесла? – спрашивает Корбин.

– Нет. Пришлось твоим соседом заниматься большую часть времени.

Майлз нервно откашливается, моет кружку и возвращает в шкаф. Заметив его смущение, невольно смеюсь. Забавно, что он понятия не имеет, как провел ночь. Забавно даже, что мысль о близости со мной ему неприятна. Готова и дальше

продолжать эту игру ради собственного извращенного удовольствия.

Корбин смотрит на меня так, будто догадался, что я затеяла.

Майлз выходит из кухни, бросает на меня косой взгляд и тут же поворачивается к Корбину.

– Ушел бы давно, но не могу найти свой ключ. Запасной у тебя?

Корбин достает из комода ключ, бросает Майлзу, тот ловит.

– Можешь вернуться через час и помочь с вещами Тейт? Сначала хочу принять душ.

Майлз кивает и тут же посылает мне быстрый взгляд, стоит только Корбину отвернуться.

– Поболтаем попозже, когда будет не так рано, – говорит мне брат.

Хотя мы и жили вместе целых семь лет назад, он прекрасно помнит, что по утрам я не расположена к долгим беседам. А вот его соседу, к несчастью, это неизвестно.

Когда Корбин уходит к себе в спальню, я разворачиваюсь лицом к Майлзу. Он выжидательно смотрит на меня, будто до сих пор надеется получить ответы на вопросы.

Мечтаю, чтобы он поскорее ушел, поэтому высказываю все сразу:

– Вчера вечером я нашла тебя пьяным в коридоре. Кто ты такой, я не знала, а когда ты пытался залезть в квартиру,

прищемила тебе руку дверью. Она не сломана – я проверяла. Ушиб, не более того. Просто приложи лед и забинтуй на пару часов. И нет, между нами ничего не было. Я помогла тебе сюда войти и ушла спать. Твой мобильник валяется на полу у двери, где ты его и оставил, потому что был так пьян, что на ногах не стоял.

Я направляюсь в свою комнату, чтобы избежать его сверлящего взгляда. На пороге резко оборачиваюсь и говорю:

– Через час, когда вернешься, а я как следует проснусь, можем попробовать еще раз.

Он стискивает зубы.

– Что попробовать?

– Познакомиться, как полагается.

Я захлопываю дверь, чтобы создать преграду между собой и этим голосом. Этим взглядом.

* * *

– Сколько коробок? – спрашивает Корбин, обуваясь.

Я беру со стола ключи.

– Шесть. Плюс три чемодана и одежда на плечиках.

Корбин громко стучит в дверь напротив и направляется к лифту.

– Маме сообщила, что нормально добралась?

– Да, вчера эсэмэску скинула.

Я слышу, как открывается дверь соседской квартиры, но

в лифт вхожу, не оборачиваясь.

Как только возникает Майлз, чувствую: бой проигран. Сражение, которое я вела, сама о том не подозревая. Вообще такое не часто бывает, но, если уж меня и влечет к парню, я предпочитаю, чтобы это был тот, к кому я готова испытывать влечение.

А в отношении Майлза я не хочу ничего чувствовать. Не хочу, чтобы меня тянуло к мужчине, который напивается до беспамятства, рыдает из-за баб и даже не помнит, спал он со мной или нет. Хотя трудно не замечать его присутствия, когда оно заполняет все вокруг.

– Пару раз туда и обратно, – говорит Корбин и жмет на кнопку первого этажа.

Майлз пристально глядит на меня. Сохраняет суровый вид, и я не понимаю, что за ним кроется. В ответ смотрю вызывающе. Как бы ни шло ему это выражение, я все еще рассчитываю на благодарность.

– Добрый день! – наконец произносит Майлз, делает шаг вперед и протягивает мне руку, грубо нарушая неписанные правила лифтового этикета. – Майлз Арчер, ваш сосед из квартиры напротив.

Я в замешательстве.

– По-моему, это мы уже выяснили.

– Просто решил начать сначала, – говорит он, приподняв одну бровь. – Познакомиться как полагается.

А, ну да, я же сама так хотела.

Жму ему руку.

– Тейт Коллинз, сестра Корбина.

Майлз отступает, однако по-прежнему смотрит мне прямо в глаза. Я чувствую себя неловко, потому что Корбин рядом. Впрочем, брат слишком поглощен своим телефоном и не обращает на нас внимания.

Наконец Майлз отводит взгляд и тоже достает из кармана мобильник. Решаю воспользоваться этим и разглядеть соседа как следует.

Все в Майлзе противоречит одно другому. Как будто его создавали два враждующих творца. Точеные скулы, суровое выражение лица, а губы такие милые, мягкие. Они кажутся безобидными по контрасту с шероховатым шрамом на подбородке. Волосам никак не решить, быть им золотистыми или темно-каштановыми, прямыми или выющимися. Ведет он себя то дружелюбно, то грубо и безразлично, сбивая с толку мою способность отличать холодное от горячего. Непринужденная поза идет вразрез со сдержанным гневом, который я прочла в его взгляде утром. Сегодняшнее спокойствие не вяжется со вчерашним опьянением, а глаза не могут определиться, на меня ли им смотреть или в телефон: прежде чем мы доезжаем до первого этажа, Майлз несколько раз то поднимает взгляд, то опускает.

Я перестаю на него пялиться и первой выхожу из лифта. Кэп сидит на своем месте, точно дозорный. Увидев нас, он медленно поднимается, опираясь на подлокотники. Корбин

с Майлзом приветствуют его кивком и идут дальше.

– Как прошла первая ночь, Тейт? – с улыбкой интересуется Кэп.

Не удивлена, что ему известно мое имя, ведь вчера он знал, на какой мне этаж.

Я смотрю в затылок удаляющемуся Майлзу.

– Довольно насыщенная ночка. Похоже, мой брат попал в плохую компанию.

Кэп тоже глядит на Майлза. Плотно сжимает морщинистые губы и слегка покачивает головой.

– Скорее всего, малыш просто ничего не может с собой поделать.

Не ясно, кого Кэп имеет в виду – Майлза или Корбина, – однако я не переспрашиваю.

Шаркающей походкой Кэп направляется в сторону туалета.

– Похоже, я обмочился, – бормочет он на ходу.

Я смотрю ему вслед и гадаю, к какому возрасту человек перестает заботиться об условностях. Хотя, по всей видимости, Кэп никогда о них не задумывался. Почему-то мне это нравится.

– Тейт, пошли! – зовет Корбин с другого конца вестибюля.

Я догоняю их с Майлзом, и мы идем к машине.

Потребовалось три попытки, чтобы перенести мои вещи. Не две.

Целых три похода, в течение которых Майлз не переки-

нулся со мной ни словечком.

Глава 4

Майлз

Шестью годами ранее

Папа: Ты где?

Я: У Иэна.

Папа: Нам нужно поговорить.

Я: До завтра подождать не может? Я вернусь поздно.

Папа: Нет. Ты мне нужен сейчас. Жду тебя с тех пор, как кончились уроки.

Я: Хорошо, еду.

Таков был разговор, предшествовавший этому моменту. И вот сейчас я сижу перед папой на диване, а он говорит мне то, что я не хочу слышать.

– Я бы рассказал тебе раньше, но...

– Чувствовал себя виноватым? Словно сделал что-то плохое?

Папа смотрит на меня, и мне становится стыдно, но я продолжаю:

– С ее смерти прошло меньше года!

Произношу эти слова и чувствую, что меня сейчас вырвет.

Папа не любит, когда его критикуют, особенно собственный сын. Он привык, что я поддерживаю любое его решение.

Черт, да я и сам привык к тому же! До сегодняшнего дня все его поступки казались мне замечательными.

– Конечно, тебе трудно это принять, но мне нужна твоя поддержка. Ты представить себе не можешь, до чего тяжело мне было с тех пор, как она умерла.

– Тяжело?!

Я встаю. Повышаю голос. Веду себя так, будто мне не все равно, хотя на самом деле мне плевать. Плевать, что он завел любовницу. Может встречаться с кем пожелает. Трахать – кого пожелает.

Наверное, я реагирую так потому, что сама мама ответить не может. Трудно защитить свой брак, когда ты мертва. Поэтому я и делаю это за нее.

– Что-то непохоже, будто тебе тяжело!

Дохожу до противоположного конца гостиной, разворачиваюсь и иду обратно.

Дом слишком мал, чтобы вместить все мое раздражение и разочарование.

Внезапно я понимаю: меня задело не столько то, что папа встречается с другой женщиной, сколько его взгляд, когда он о ней говорил. На маму он так никогда не смотрел. Кем бы ни была его новая избранница, это явно не случайная связь. Очень скоро она проникнет в нашу жизнь, вплетется в наши с ним отношения, как ядовитый плющ. «Мы» будет значить уже не папа и я, а папа, я и Лиса. По-моему, это неправильно, ведь повсюду в доме еще чувствуется мамино присутствие.

Папа сидит, сцепив руки на коленях и уставившись в пол.

– Не уверен, есть ли у наших отношений будущее, но хочу дать им шанс. Мне хорошо с Лисой. Иногда начать жить дальше... это просто единственный способ жить.

Я хочу ответить, но меня прерывает звонок в дверь. Папа неуверенно поднимается. Мне кажется, он стал ниже ростом. Менее похожим на героя.

– Я не прошу, чтобы ты ее полюбил. Не прошу проводить с ней время. Просто будь приветлив.

Его глаза умоляют, и мне уже стыдно за свое упрямство.

– Буду, папа. Ты же знаешь, что буду.

Мы обнимаемся, и это одновременно приятно и тягостно. Чувство такое, словно я обнял не человека, перед которым преклонялся семнадцать лет подряд, а просто приятеля.

Папа просит меня открыть дверь, а сам отправляется в кухню, чтобы закончить приготовления к ужину. Я на миг закрываю глаза и обещаю маме, что буду приветлив с Лисой, но она все равно останется для меня просто Лисой.

Отпираю дверь.

– Майлз?

Лиса совсем не похожа на маму. Ростом ниже и далеко не такая красивая. Они очень разные, их невозможно сравнивать, поэтому я и не пытаюсь. Для меня она – просто гостья.

– А вы, должно быть, Лиса. Приятно познакомиться. – Указываю через плечо: – Папа на кухне.

Лиса обнимает меня. Проходит несколько секунд, прежде

чем я отвечаю на ее прикосновение, так что выходит довольно неловко.

Я ловлю взгляд девушки, стоящей позади нее.

Стоящая позади нее девушка ловит мой.

Ты

полюбишь

меня,

Рейчел...

– Майлз? – потрясенно шепчет она.

Голос Рейчел похож на материнский, но звучит печальнее.

Лиса переводит взгляд с меня на дочь и обратно.

– Вы что, знакомы?

Рейчел не кивает.

Я тоже.

Наше взаимное разочарование стекло на пол и образовало лужицу невыплаканных слез.

– Он... Он...

Рейчел в замешательстве, я прихожу ей на помощь.

– Мы учимся в одной школе, – выпаливаю я.

Зря я это сделал. На самом деле мне хочется объявить: «Рейчел – девушка, которую я скоро полюблю».

Но такого я сказать не могу. Слишком очевидно, что нас ждет. Я не имею права любить Рейчел, потому что она, вероятно, станет моей сводной сестрой.

Второй раз за вечер к горлу подкатывает тошнота.

Лиса улыбается и потирает руки.

– Вот и замечательно! А я-то волновалась...

Приходит папа. Обнимает Лису. Здоровается с Рейчел, говорит, что рад ее видеть.

Папа знаком с Рейчел.

Рейчел знакома с папой.

Папа – жених Лисы.

Папа часто ездит в Феникс.

Начал ездить еще до того, как умерла мама...

Папа мерзавец.

– А Майлз и Рейчел уже знакомы, – сообщает Лиса.

Отец облегченно улыбается.

– Хорошо, хорошо, – произносит он, как будто, если повторить это слово дважды, оно сможет что-то исправить.

Нет.

Не хорошо, не хорошо.

Плохо, плохо.

– Значит, всем нам будет не так неловко, – смеется он.

Я смотрю на Рейчел.

Рейчел глядит на меня.

Мне нельзя любить тебя, Рейчел...

Глаза у нее грустные.

Мои мысли еще тоскливее.

А тебе нельзя любить меня...

Рейчел медленно входит в квартиру, избегая моего взгляда, шагает, смотря себе под ноги.

В жизни не видел такой печальной картины.

Я захлопываю дверь.

В жизни не закрывал таких печальных дверей.

Глава 5

Тейт

– На День благодарения не работаешь? – спрашивает мама.

Я подношу мобильник к другому уху и достаю из сумочки ключ.

– На День благодарения – нет, а вот на Рождество – да. Я теперь тружусь только по субботам и воскресеньям.

– Хорошо. Передай Корбину, что мы все еще живы – на случай если захочет нам позвонить.

Я смеюсь.

– Передам. Люблю тебя.

Жму на отбой и кладу телефон в карман медицинской формы.

Это всего лишь подработка, но главное – начало положено. Сегодня у меня был последний день предварительного обучения, и завтра я приступлю к своим обязанностям.

Работа мне нравится. Первое же собеседование – и меня взяли! Даже не ожидала. С учебой тоже все в порядке. По будням я в колледже – слушаю лекции или прохожу практику, а по выходным работаю во вторую смену. Пока все идет как нельзя лучше.

И Сан-Франциско мне нравится. Правда, я тут всего две

недели, но уже подумываю, не остаться ли навсегда.

С Корбином мы живем мирно. Впрочем, он чаще на работе, чем дома, так что, полагаю, все дело в этом.

От мысли, что я наконец-то нашла свое место в жизни, улыбаюсь и распахиваю входную дверь.

Вижу троих мужчин, из которых я знакома только с двумя, и моя улыбка тает.

На кухне Майлз, а на диване расселся женатый мерзавец из лифта.

Какого черта здесь делает Майлз?

Какого черта они все тут собрались?

Метнув сердитый взгляд на Майлза, скидываю туфли и кладу сумочку на стол. Корбин вернется только через два дня, и я надеялась провести вечер в тишине и покое – подготовиться к занятиям.

– Сегодня четверг, – сообщает Майлз, словно это все объясняет.

– Да, а завтра пятница, – парирую я и поворачиваюсь к двум остальным. – Что вы забыли в моей квартире?

Тощий белобрысый парень подходит ко мне и протягивает руку.

– Ты, должно быть, Тейт? Меня зовут Иэн. Я одноклассник Майлза и друг твоего брата. – Он указывает на мерзавца из лифта, который по-прежнему сидит на диване. – А это Диллон.

Диллон кивает, однако не произносит ни слова. Да этого

и не требуется. Его самодовольная ухмылка яснее ясного говорит, о чем он сейчас думает.

Майлз входит в гостиную, кивая в сторону телевизора.

– Это что-то вроде традиции. По четвергам, если выходной у нас совпадает, мы вместе смотрим футбол.

Да плевать я хотела на их традицию.

– Корбина нет. Вы что, не можете посмотреть телевизор у тебя? Мне к занятиям нужно готовиться.

Майлз подает Диллону банку пива и оборачивается:

– У меня нет кабельного.

Кто бы сомневался.

– А жена Диллона не разрешает нам собираться у него.

Кто бы сомневался.

Я закатываю глаза и ухожу к себе, нечаянно хлопнув дверью.

Пока снимаю медицинскую форму и натягиваю джинсы с футболкой, в которой спала ночью, кто-то стучит в дверь. Я распахиваю ее почти так же эффектно, как захлопнула.

Какой же он высокий...

Раньше я как-то не замечала, но теперь, когда Майлз стоит в дверном проеме и полностью заполняет его собой, осознаю, какой у него рост.

Если бы он обнял меня, я могла бы прижаться ухом к его груди, а он – прильнуть щекой к моей макушке.

Если бы он захотел меня поцеловать, мне пришлось бы запрокинуть голову. Это было бы прекрасно. Майлз, навер-

ное, обнял бы меня за талию и притянул к себе, чтобы наши губы соединились, словно две детали головоломки. Вот только они плохо подошли бы друг к другу, потому что эти головоломки явно разные.

В груди защекотало. Меня это не радует – я в курсе, что это значит. А значит это то, что моему телу нравится Майлз.

Надеюсь, мозг никогда не разделит этой симпатии.

– Если мы тебе мешаем, можешь пойти ко мне.

От его предложения в животе что-то обрывается, и я недовольно морщусь.

Перспектива оказаться в квартире у Майлза не должна меня так волновать, но почему-то волнует.

– Мы тут еще часа на два.

В голосе Майлза проскальзывает извинение. Правда, потребовалось бы снарядить целую поисковую экспедицию, чтобы его там отыскать, но оно точно есть, где-то за всей этой чувственностью.

Ну и стерва же я... Квартира ведь не мне принадлежит. Если у них традиция здесь встречаться, то кто я такая, чтобы взять и положить ей конец?

– Да все в порядке. Просто я устала. Извини, что нагрубила твоим друзьям.

– Другу, – подчеркнуто поправляет Майлз. – Диллон мне не друг.

Я не спрашиваю, что именно он имеет в виду.

Майлз смотрит в сторону гостиной, затем прислоняется к

косяку. Разве разговор еще не окончен? Его взгляд падает на медицинскую форму, лежащую на кровати.

– Работу нашла?

– Ага, – отвечаю, а сама никак не возьму в толк, с чего это он так разговорился. – Устроилась медсестрой в неотложку.

Майлз морщит лоб, непонятно, восхищен он или озадачен.

– Ты ведь колледж еще не окончила. Разве тебе можно работать медсестрой?

– Обычную лицензию я уже получила, а в магистратуре учусь, чтобы стать медсестрой-анестезиологом.

Майлз по-прежнему хмурит брови, и я поясняю:

– Право давать наркоз у меня уже есть.

Майлз пристально глядит на меня, затем отталкивается от косяка.

– Везет тебе, – произносит он без тени улыбки.

Почему он никогда не улыбается?..

Майлз возвращается в гостиную. Я стою на пороге комнаты и наблюдаю за тем, как он садится на диван и сосредотачивает все свое внимание на экране телевизора.

А вот все внимание Диллона направлено на меня. Отвожу глаза и прохожу в кухню, чтобы найти что-нибудь поесть. Я не готовила целую неделю, поэтому выбор невелик. Достаю из холодильника продукты, чтобы соорудить сэндвич. Когда оборачиваюсь, Диллон все еще глядит на меня, только уже не из гостиной, а с расстояния в один шаг. Он улыбается и

тянет руку к холодильнику, едва не задев меня по лицу.

– Так, значит, ты младшая сестренка Корбина?

По крайней мере, в одном мы с Майлзом солидарны: мне тоже не особо нравится этот тип.

Глаза Диллона нисколько не похожи на глаза Майлза. Когда Майлз на меня смотрит, его глаза скрывают все, что происходит у него внутри. Глаза Диллона не скрывают ничего, и прямо сейчас они меня лапают.

– Да, – коротко говорю я.

Достаю хлеб, кладу на стол и принимаюсь делать сэндвич. Отрезаю второй ломоть, чтобы приготовить еще один – для Кэпа. За то недолгое время, что я здесь живу, успела к нему привязаться. Бывает, он работает по четырнадцать часов в день, но только потому, что живет один и заняться ему больше нечем. Думаю, Кэпу нравится мое общество, а еще больше – мои гостинцы. Так что, пока не обзаведусь новыми друзьями, буду проводить свободное время с восьмидесятилетним старичком.

Диллон небрежно облокачивается о стол.

– Ты ведь медсестра или что-то в этом роде?

Открыв банку пива, подносит ее к губам и ждет ответа.

– Да, – выдыхаю сквозь зубы.

Он улыбается и делает большой глоток. Я молча готовлю сэндвичи, нарочно стараясь вести себя неприступно. Однако Диллон не понимает намека и по-прежнему на меня пялится.

Если он возомнил, будто я и ему сделаю сэндвич, то глу-

боко ошибается.

– Я пилот.

Тон у Диллона не самодовольный, но, когда человек сообщает, кем работает, когда его никто об этом не просит, это отдает бахвальством.

– В той же авиакомпании, что и Корбин.

Рассчитывает произвести на меня впечатление. Не знает, что все мужчины в моей семье пилоты. Дед был пилотом. Отец тоже, пока не вышел на пенсию пару месяцев назад. И брат пилот.

– Диллон, если хочешь пустить мне пыль в глаза, ты избрал неверный путь. Я предпочитаю мужчин, которые немного более скромны и гораздо менее женаты.

Многозначительно показываю глазами на его обручальное кольцо.

– Матч начинается, – докладывает Майлз, входя в кухню.

Его реплика звучит вполне невинно, однако взгляд ясно говорит, что Диллону лучше вернуться в гостиную.

Диллон вздыхает, как будто Майлз испортил ему все удовольствие.

– Приятно было увидаться, Тейт, – произносит он, словно беседа в любом случае подошла к концу – вне зависимости от желаний Майлза. – Присоединяйся к нам в гостиной. Судя по всему, матч уже начался.

Проходя мимо, Диллон намеренно задевает Майлза плечом. Майлз его игнорирует, достает из заднего кармана ключ

и протягивает мне.

– Позанимайся у меня.

Это не предложение.

Это требование.

– Да я не против и тут остаться. – Кладу ключ на стол, закрываю банку с майонезом и заворачиваю оба сэндвича в бумажное полотенце. Не позволю выжить меня из собственной квартиры. – Телевизор работает не так уж и громко.

Майлз подходит почти вплотную, чтобы я расслышала его шепот. Все мое тело, до самых стоп, напряжено – на хлебе наверняка останутся отпечатки пальцев.

– Зато я против, чтобы ты здесь занималась, пока все не уйдут. Иди. И еду свою заberi.

Я смотрю на бутерброды. Почему-то мне кажется, что Майлз их оскорбил.

– Мой только один, – с вызовом говорю я. – Второй для Кэпа.

Майлз смотрит на меня пристально и непроницаемо. С такими глазами, как у него, это должно караться законом. Мне не по себе. Я не экспонат на выставке, чтобы так на меня пялиться.

– Ты приготовила Кэпу сэндвич?

Я пожимаю плечами.

– Еда приносит ему удовольствие.

Еще какое-то время Майлз рассматривает меня, затем хватает со стола ключ и засовывает мне в карман.

Не уверена, коснулись ли его пальцы моих джинсов, но все равно дыхание перехватывает, потому что, черт побери, я ничего подобного не ожидала.

Я стою, окаменев, а Майлз как ни в чем не бывало возвращается в гостиную. Карман пылает огнем.

Я заставляю себя сдвинуться с места. Мне нужно время, чтобы осмыслить случившееся. Отношу Кэпу сэндвич и делаю так, как велел Майлз: отправляюсь в его квартиру. По собственной воле, а не потому, что он так хочет, или потому, что мне много задали на дом. Просто мысль побыть в доме у Майлза, да еще и в отсутствие хозяина, приносит мне извращенное удовольствие. Словно я получила допуск ко всем его тайнам.

* * *

И как же я сразу не догадалась, что в квартире Майлза нет ни намека на то, что он за человек?.. Даже его глаза на такое не способны.

Здесь и правда гораздо тише, я прозанималась целых два часа, но только потому, что отвлекаться было не на что.

Вообще не на что.

Ни картин на стерильно белых стенах, ни ковров, ни единого цветного пятнышка. Даже массивный дубовый стол, отделяющий кухню от гостиной, ничем не украшен. Совсем не похоже на дом моего детства, где стол с узкой скатертью,

изысканной люстрой над ним и наборами тарелок на любой сезон был центром семейной жизни.

У Майлза нет даже вазы с фруктами.

Единственное, что бросается в глаза, – книжный шкаф в гостиной. Он весь заставлен книгами и вызывает мой интерес гораздо больше любых украшений, которые могли бы разукрасить голые стены этого жилища. Я подхожу ближе в надежде составить хоть какое-то представление о Майлзе по его литературному вкусу. Напрасно, тут только труды по аэронавтике.

Я немного разочарована. После осмотра квартиры вывод у меня лишь один: Майлз, судя по всему, трудоголик, начисто лишенный вкуса в дизайне интерьеров.

Махнув рукой на гостиную, захожу в кухню. Заглядываю в холодильник, но там практически шаром покати – только несколько коробок с готовой едой из ресторана, приправы, апельсиновый сок. Брат-близнец холодильника Корбина – такой же пустой, безрадостный, холостяцкий.

Я пью сок и мою стакан. Слева от раковины горка грязной посуды, и я машинально принимаюсь мыть и ее. Тут даже тарелки с кружками лишены индивидуальности – простые, белые, скучные.

Так и хочется взять кредитную карточку, пойти в ближайший магазин и закупить яркой посуды, занавески на окна, несколько картин. Быть может, даже парочку комнатных растений. Этой квартире явно не хватает чего-то живого.

Какое же прошлое у Майлза? Не похоже, что у него кто-то есть. Никогда не видела Майлза с подружкой, да и не чувствуется здесь женской руки. Сомневаюсь, что девушка, зайдя в эту квартиру, удержалась бы от искушения украсить ее хотя бы чуть-чуть, прежде чем снова покинуть. Так что, скорее всего, девушек здесь просто не бывает.

Мои мысли переносятся к Корбину. За все годы, что мы прожили вместе, он ни разу не поделился со мной романтическими переживаниями. Скорее всего, потому, что настоящих отношений у него и не было никогда. Все девчонки, с которыми брат меня знакомил, не задерживались дольше чем на неделю. Неясно, в чем тут дело. То ли Корбин не хочет оставаться с кем-то надолго, то ли никто не желает оставаться с ним. Вероятно, первое – судя по тому, сколько девиц ему называют.

Учитывая, что сам Корбин меняет девушек как перчатки, странно, что он всегда меня опекал. Видимо, брат слишком хорошо себя знает и не хочет, чтобы я встречалась с такими мужчинами, как он.

Интересно, похож ли Майлз в этом на Корбина?..

– Моешь мою посуду?

Я едва не подпрыгиваю от неожиданности, резко поворачиваюсь и вижу нависающего надо мной Майлза. Стакан выскальзывает из рук, но я подхватываю его прежде, чем он падает на пол. Перевожу дыхание и осторожно ставлю стакан в раковину.

– Закончила заниматься, – мямлю я, сглатывая образовавшийся в горле комок. Потом показываю глазами на чистую посуду в сушилке. – Она была грязная.

Майлз улыбается...

Или мне показалось?

Едва уголки его губ приподнялись, как тут же снова опустились.

Ложная тревога.

– Все ушли, – говорит он.

А значит, мне пора освободить помещение.

Майлз замечает на столе бутылку апельсинового сока и ставит в холодильник.

– Извини... – бормочу я. – Мне захотелось пить.

Он прислоняется плечом к холодильнику и скрещивает руки на груди.

– Тейт, я не против, чтобы ты пила мой сок.

Ого...

До нелепости сексуальная реплика. Как и вид, с которым Майлз ее произносит.

И по-прежнему – ни намека на улыбку. Господи, этот человек вообще знает, что речь должна сопровождаться мимикой?!

Не хочу, чтобы он заметил мое разочарование, а потому снова поворачиваюсь к раковине и смываю мыльную пену. Вполне подходящее занятие, учитывая, какие странные флюиды носятся в воздухе.

– Давно тут живешь? – спрашиваю я, чтобы нарушить неловкое молчание.

– Четыре года.

Я смеюсь – сама не уверена отчего. Майлз удивленно приподнимает бровь, недоумевая, почему его ответ вызвал у меня усмешку.

– Просто твоя квартира... – я кошусь в сторону гостиной, – несколько безлика. Я думала, ты переехал недавно и еще не успел обставить ее как следует.

Я не имела в виду ничего обидного, но именно так это и прозвучало. Пыталась просто завязать разговор, а в итоге лишь усилила неловкость.

Майлз медленно обводит взглядом квартиру, обдумывая мое замечание. С удовольствием взяла бы свои слова обратно, но даже не пытаюсь ничего сказать, чтобы не сделать еще хуже.

– Я много работаю, – поясняет он наконец. – Гостей у меня не бывает, незачем обставлять.

Так и тянет спросить, почему же гостей не бывает, но, похоже, есть темы, на которые Майлз говорить не желает.

– Кстати, о гостях. А что не так с Диллоном?

– Диллон – придурок, не питающий ни малейшего уважения к собственной жене, – спокойно произносит Майлз и уходит в спальню. Дверь он закрывает не полностью, чтобы я могла его слышать. – Решил предупредить тебя, пока ты не повелась на его уловки.

– Я не ведусь ни на чьи уловки. Особенно на приемчики Диллона.

– Вот и славно.

Славно?.. Ха! Майлз не хочет, чтобы мне понравился Диллон. Я в полном восторге!

– Корбин бы этого не одобрил. Он Диллона терпеть не может.

Ах вот оно что... Так это ради Корбина... Но почему же я так разочарована?

Майлз выходит из спальни. Сменил джинсы с футболкой на хорошо мне знакомые форменные брюки и белую рубашку, которую еще не успел застегнуть.

Он переодевается в форму летчика.

– Ты пилот? – спрашиваю я слегка удивленно. Почему-то в моем голосе слышится восхищение.

Майлз кивает и заглядывает в прачечную, смежную с кухней.

– Потому и знаком с Корбином. Учились вместе в летной школе.

Он возвращается в кухню с корзиной для грязного белья и ставит ее на стол.

– Корбин хороший парень.

Рубашка на нем все еще распахнута...

Я не отрываясь смотрю на его живот...

Хватит глазеть!

О боже... У него же пояс Адониса! Эти прекрасные ли-

нии, сходящиеся вниз живота буквой V, словно указание на некую тайную цель...

Господи, Тейт, ты же пялишься ему между ног!

Он застегивает рубашку, а я делаю над собой нечеловеческое усилие и отвожу взгляд.

Мысли... где-то они были, но сейчас их нет.

Может, все оттого, что Майлз – пилот?

Но почему это производит на меня такое впечатление?

Меня же не взволновало, что Диллон тоже пилот. С другой стороны, когда Диллон сообщил мне об этом, он не во-зился с грязным бельем, демонстрируя свой пресс. Мужчина, который разбирает белье для стирки, демонстрирует тебе голый пресс, да еще и работает пилотом, определенно достоин восхищения.

Майлз уже полностью одет. Он натягивает ботинки, а я уставилась на него, словно зритель на спектакле, где он играет главную роль.

– А это не опасно? – спрашиваю я, отыскав в конце концов связную мысль в голове. – Только что выпил пива, а теперь идешь управлять самолетом.

Майлз застегивает куртку на молнию и подхватывает с пола сумку.

– Я пил только воду, – говорит он, прежде чем выйти из кухни. – Я вообще почти не пью, тем более перед работой.

Я смеюсь, выхожу вслед за ним в гостиную и беру со стола свои книги.

– Кажется, ты подзабыл, как мы с тобой познакомились. В день моего переезда кое-кто валялся пьяным в коридоре.

Майлз распахивает входную дверь и пропускает меня вперед.

– Понятия не имею, о чем ты. Мы познакомились в лифте, припоминаешь?

Не пойму, шутит он или нет, потому что в глазах – ни намек на улыбку или озорной блеск.

Он закрывает дверь. Протягиваю ему ключ и направляюсь к себе.

– Тейт...

Так и тянет притвориться, что я не расслышала. Чтобы Майлз еще раз повторил мое имя. Вместо этого оборачиваюсь с видом, будто его присутствие на меня никак не действует.

– Тот вечер, когда ты нашла меня в коридоре, был исключением. Очень редким исключением.

В его глазах, а возможно, и в голосе есть что-то невысказанное.

Он стоит рядом с дверью и ждет, не отвечу ли я. Нужно попрощаться. Пожелать ему хорошего полета. Некоторые, правда, верят, что это приносит несчастье. Так что лучше просто сказать: «Спокойной ночи».

– Исключение случилось из-за Рейчел?

Да. Именно так я и говорю.

Зачем я это спросила?..

Его поза меняется, лицо каменеет, словно от удара молнии. Скорее всего, Майлз не может понять, почему я это сказала, он же не помнит о той ночи ровным счетом ничего.

Быстрее, Тейт... Очнись...

– Ты меня принял за кого-то по имени Рейчел, – выпаливаю я, чтобы хоть как-то исправить неловкое положение. – Вот я и подумала, что между вами что-то произошло и поэтому... Ну, ты понял.

Майлз делает глубокий вдох, стараясь не выдать своих эмоций. Похоже, я наступила на большую мозоль.

Видимо, о Рейчел упоминать нельзя.

– Спокойной ночи, Тейт, – говорит он и отворачивается.

Не пойму, что произошло. Смутила его? Разозлила? Обидела?

Что бы я ни сделала, уже сожалею об этом. Не по душе мне это чувство неловкости, заполняющее все пространство между мной и лифтом, у которого стоит Майлз.

Захожу в квартиру и захлопываю за собой дверь. Но чувство неловкости не осталось снаружи, оно следует за мной.

Глава 6

Майлз

Шестью годами ранее

Мы ужинаем, всем неловко.

Лиса с папой пытаются вовлечь меня и Рейчел в беседу, но у нас нет настроения разговаривать. Мы пьем в свои тарелки. Ковыряем еду вилкой. Аппетит куда-то пропал.

Папа спрашивает Лису, не хочет ли она посидеть на заднем крыльце.

Она соглашается и просит Рейчел помочь мне убрать со стола.

Мы относим посуду на кухню.

Оба молчим.

Пока я вожусь с посудомоечной машиной, Рейчел стоит, прислонившись к столу, и наблюдает, как я изо всех сил стараюсь не обращать на нее внимания. Рейчел не догадывается, что она повсюду. Она во всем. Все вокруг превратилось в Рейчел.

Это ощущение поглотило меня целиком.

Мои мысли больше не абстрактны.

Мои мысли теперь – Рейчел.

Мне нельзя любить тебя, Рейчел...

Я гляжу в раковину, а хочу смотреть на Рейчел.

Дышу воздухом, а хочу дышать одной Рейчел.

Закрываю глаза и вижу только Рейчел.

Мою руки и безумно жажду прикоснуться к Рейчел.

Я вытираю ладони о полотенце и поворачиваюсь к ней.

Пальцы Рейчел стискивают край стола за спиной. Мои ру-

ки скрещены на груди.

– У нас самые ужасные в мире родители, – шепчет она.

Ее голос падает.

Мое сердце тоже.

– Прямо-таки безнравственные, – говорю я.

Она хохочет.

Мне нельзя любить твой смех, Рейчел...

Она вздыхает.

Люблю ее вздох.

– Давно они вместе? – спрашиваю я.

Рейчел не станет врать.

– Около года. Они нечасто виделись, пока мама не решила переехать поближе к нему.

Я чувствую, как разбилось сердце моей матери.

Мы с ней ненавидим отца.

– Около года? – переспрашиваю я. – Уверена?

Рейчел кивает.

Ей ничего не известно о моей маме. Это очевидно.

– Рейчел?

Я произношу ее имя вслух. Мне хотелось этого с той самой минуты, как мы впервые встретились.

Не отводя глаз, Рейчел сглатывает и тихо шепчет:

– Что?

Я делаю шаг вперед.

Ее тело откликается. Спина стала чуть прямее, дыхание – чуть чаще, щеки – чуть розовее.

Но этого более чем достаточно.

Моя рука ложится ей на талию, мои глаза ищут ее.

Взгляд Рейчел не говорит «нет»...

Когда мои губы прижимаются к ее губам, это и хорошо, и дурно, и правильно, и неправильно.

А еще это месть.

Рейчел вдыхает, крадя у меня воздух. Я выдыхаю, чтобы отдать кислород ей. Наши языки соприкасаются. Моя вина сплетается с ее виной, мои пальцы путаются в волосах, которые бог создал специально для этой девушки.

Мой любимый вкус теперь – Рейчел.

Мой любимый подарок теперь – Рейчел.

Хочу Рейчел на день рождения. Хочу Рейчел на Рождество. Хочу Рейчел на выпускной.

Рейчел, Рейчел, Рейчел...

Я все равно буду любить тебя, Рейчел...

Скрипит задняя дверь.

Я отстраняюсь.

Она отстраняется, но я по-прежнему чувствую ее в своих объятиях.

Отвожу взгляд, но вокруг одна Рейчел.

В кухню заходит Лиса. Вид радостный.

Она имеет право на счастье – это ведь не она умерла.

Лиса объявляет, что им пора уходить.

Я прощаюсь с обеими, но мои слова – только для Рейчел, и она это знает.

Заканчиваю с посудой.

Говорю папе, что Лиса очень милая.

Не говорю, что ненавижу его.

Наверное, и не скажу никогда. Зачем признаваться, что теперь смотрю на него другими глазами?

Теперь он для меня просто... обычный человек.

Возможно, это и значит стать мужчиной – осознать, что отец понимает в жизни ничуть не больше твоего.

Я уйду к себе в комнату и пишу Рейчел эсэмэску.

Я: Что будем делать с завтрашней встречей?

Рейчел: Соврем родителям?

Я: В семь сможешь?

Рейчел: Да.

Я: Рейчел?

Рейчел: Что?

Я: Спокойной ночи.

Рейчел: Спокойной ночи, Майлз.

Выключаю телефон: хочу, чтобы ее сообщение стало на сегодня последним.

Закрываю глаза.

Я пропал, Рейчел...

Глава 7

Тейт

Прошло две недели с тех пор, как я видела Майлза, и всего две секунды с тех пор, как последний раз о нем думала. Похоже, он работает так же много, как и Корбин. Конечно, приятно оставаться одной в квартире, но не менее чудесно, когда Корбин дома, и тогда есть с кем поговорить. Когда они с Майлзом оба отдыхают, это, наверное, тоже неплохо, но такого на моей памяти еще не случалось.

До сегодняшнего дня.

– Отец Майлза работает, а сам он свободен до понедельника.

Корбин стучит в квартиру напротив. Я только что узнала, что он пригласил Майлза поехать с нами к родителям на День благодарения.

– Все равно ему больше нечем заняться.

Кажется, я киваю в ответ, но тут же отворачиваюсь и иду к лифту. Не хочу, чтобы Майлз заметил мое волнение.

Когда они с Корбином входят в кабину, я уже стою у задней стены. Майлз приветствует меня кивком. Вот и все, чего я удостоилась. При нашей последней встрече я поставила Майлза в неловкое положение, а потому тоже молчу и стараюсь на него не смотреть, хотя трудно сосредоточить-

ся на чем-то другом. Одет он небрежно: бейсболка, джинсы и футболка с символикой команды «Сан-Франциско Форти-Найнерс». Оттого и трудно не обращать на него внимания: я всегда предпочитала мужчин, которые не зациклены на собственной внешности.

Ловлю на себе его пронзительный взгляд.

Робко улыбнуться или опустить глаза? Не знаю. Просто стою и жду, когда он перестанет.

Но вот Майлз не отворачивается и молча продолжает смотреть на меня. Я отвечаю тем же.

Наконец мы внизу. Слава богу, Майлз покидает лифт первым и не видит, как я делаю глубокий вдох – я же целую минуту не дышала.

– Куда это вы? – спрашивает Кэп, когда мы все выходим из лифта.

– Домой, – говорит Корбин. – В Сан-Диего. А у тебя какие планы на День благодарения?

– В праздники всегда много полетов. Вероятней всего, здесь буду сидеть, работать.

Кэп подмигивает мне, а я ему.

– А ты, малыш? – обращается он к Майлзу. – Тоже домой?

Майлз пристально смотрит на старика – такой же взгляд, каким он сверлил меня в лифте. Какое разочарование. У меня уж было затеплилась слабая надежда, что Майлза тоже влечет ко мне. А сейчас, видя их с Кэпом молчаливый поединок, я почти уверена: если Майлз не сводит с кого-то глаз,

это еще ничего не значит. Похоже, привычка у него такая – всех буравить взглядом.

Проходит секунд пять, молчаливых и тягостных.

Может, Майлз не любит, когда его называют малышом?

– С Днем благодарения, Кэп, – наконец произносит Майлз, даже не подумав ответить на вопрос, и шагает к выходу вслед за Корбином.

Я смотрю на Кэпа и пожимаю плечами.

– Пожелай мне удачи. Похоже, мистер Арчер опять сегодня не в духе.

– Да нет. Просто некоторые не любят лишних вопросов, вот и все.

Кэп плюхается в кресло и салютует мне на прощание. Я отвечаю тем же и спешу к выходу.

Непонятно, почему он пытается оправдать грубое поведение Майлза. Может, нравится он ему? Или у старика такая привычка – всех оправдывать?

– Хочешь, сяду за руль, – предлагает Майлз Корбину, когда мы подходим к машине. – Ты же не выспался еще. Поедешь на обратном пути.

Корбин соглашается, Майлз занимает место водителя. Я забираюсь на заднее сиденье и выбираю, где сесть. Позади Майлза, посередине или за Корбином? Что бы я ни выбрала, все равно буду чувствовать только Майлза. Он везде. Все вокруг – сплошной Майлз.

Вот что происходит, когда тебя влечет к человеку. То его

нет вообще, то он повсюду, хочешь ты того или нет.

Интересно, а я для него тоже повсюду?

Нелепая мысль. Я в состоянии понять, тянет мужчину ко мне или нет, и к Майлзу это явно не относится. Значит, нужно положить конец тому, что со мной творится. Не до глупой влюбленности сейчас. И так учебу с работой совмещать нелегко.

Я достаю из сумочки книгу. Майлз включает радио, а Корбин откидывает спинку сиденья и вытягивает ноги на приборную панель.

– Не будите, пока не приедем, – просит он, надвигая кепку на глаза.

Я смотрю на Майлза, который в этот момент поправляет зеркало заднего вида. Он оборачивается назад, чтобы выехать со стоянки, и на миг наши взгляды встречаются.

– Тебе удобно? – спрашивает он и отворачивается, не дождавшись ответа. Включает переднюю передачу и вновь мельком смотрит на меня.

– Да, – говорю я и растягиваю губы в улыбке. Пусть не думает, будто я не рада, что он с нами поехал. Хотя трудно не казаться холодной, когда именно такое впечатление я и хочу на него произвести.

Майлз сосредоточен на дороге, я – на книге.

Проходит полчаса. От чтения и тряски разболелась голова. Кладу книгу рядом и устраиваюсь поудобнее: откидываю голову на спинку кресла и забрасываю ноги на консоль меж-

ду передними сиденьями. В зеркале Майлз одаривает меня таким взглядом, точно скользит руками по всему моему телу. Смотрит так секунды две, не более, затем вновь переключается на дорогу.

Жаль...

Что же творится у него в голове? Непонятно. Он никогда не улыбается. Никогда не смеется. Не флиртует. И лицо у него такое, словно он постоянно создает непроницаемую завесу между собой и остальным миром.

Молчаливые мужчины мне всегда нравились. Большинство парней слишком болтливы – говорят обо всем, что лезет в голову. Правда, в случае с Майлзом я бы не отказалась, чтобы он молчал чуть меньше. Хочу знать каждую его мысль. Особенно ту, что занимает его прямо сейчас, скрываясь за маской равнодушия.

Все еще смотрю на Майлза, пытаюсь его разгадать, и вдруг он снова перехватывает мой взгляд. Немного смущенная тем, что меня поймали с поличным, опускаю глаза на телефон. Но зеркало притягивает как магнит, и очень скоро я вновь их поднимаю.

Как только перевожу внимание на зеркало, Майлз делает то же самое.

Я вновь опускаю глаза.

Проклятие...

Похоже, эта поездка станет самой долгой в моей жизни.

Терплю минуты три и опять бросаю взгляд в зеркало.

Черт... Он тоже...

Я улыбаюсь. Такая игра меня веселит.

Он тоже улыбается.

Он.

Тоже.

Улыбается.

Майлз сосредоточен на дороге, но усмешка не сходит с его губ еще несколько секунд. Я это знаю, потому что не могу оторвать от нее взгляд. С радостью бы сфотографировала ее, пока она не исчезла, но боюсь показаться странной.

Майлз намерен облокотиться на консоль, которую заняли мои ноги.

– Извини, – говорю я и собираюсь их убрать, но его пальцы обхватывают мою босую ступню.

– Все в порядке, – произносит он.

Его рука держит меня за ногу. Я слежу за ним, не отрываясь.

Боже мой, он только что пошевелил большим пальцем... провел им по ступне. Мои бедра напряжены, дыхание сбилось. Будь я проклята, если Майлз не погладил меня по ноге специально, прежде чем убрать руку!

Приходится закусить себе щеку, чтобы не улыбнуться.

Похоже, тебя все-таки влечет ко мне, Майлз...

Мы только приехали, а папа уже поручил Корбину с Майлзом развесить гирлянды фонариков. Я занесла вещи в дом и освободила для Корбина с Майлзом свою комнату – только в ней есть две кровати. Сама заняла бывшую спальню брата и отправилась на кухню, помочь маме с ужином.

В моей семье День благодарения всегда отмечали без особого размаха. Родителям не хотелось выбирать между родственниками с обеих сторон, да и папа редко бывал дома в это время года, ведь праздники для пилота – самое напряженное время. Вот мама и решила, что День благодарения мы будем отмечать в тесном семейном кругу. Так и справляли его всегда вчетвером: я, Корбин, мама и папа, – если он был, конечно, дома. В прошлом году мы с мамой остались вдвоем, потому что и папа, и Корбин работали.

В этом году мы все вместе.

Плюс Майлз.

Как-то необычно, что он здесь, с нами. Мама встретила Майлза радушно – похоже, она не против. Папа вообще любит всех без исключения. Он только рад дополнительной помощи с украшениями, так что присутствие постороннего человека ему совсем не в тягость.

Мама подает мне кастрюлю с вареными яйцами, и я беру за чистку, чтобы затем их нафаршировать. Сама она об-

локачивается о стол и подпирает голову руками.

– А этот Майлз просто красавчик, – замечает она, приподняв одну бровь.

Должна кое-что объяснить. Она прекрасная мать. Потрясающая. Но мне неловко разговаривать с ней о мужчинах. С тех пор как мне исполнилось двенадцать и у меня начались месячные. Мама тогда впала в такой ажиотаж, что позвонила трем подругам, прежде чем объяснить мне, что, собственно, со мной происходит. В общем, я еще в то время поняла, что секреты перестают быть таковыми, как только достигают маминых ушей.

– Да, ничего так, – небрежно отвечаю.

Я лгу. Бессовестно лгу. Майлз и правда настоящий красавец: золотисто-каштановые волосы, завораживающие голубые глаза, широкие плечи, волевой подбородок, покрытый легкой щетиной, когда Майлзу не нужно на работу... А еще от него всегда изумительно пахнет – как будто он только что принял душ и не успел вытереться...

Боже мой...

Ну и кто я после этого?

– А девушка у него есть?

Пожимаю плечами.

– Мам, мы с ним едва знакомы.

Подхожу с кастрюлей к раковине и обдаю яйца водой, чтобы легче чистились.

– Как папе на пенсии? – интересуюсь я, чтобы сменить

тому.

Мама многозначительно ухмыляется, и эта улыбка мне совершенно не по вкусу.

Ей можно вообще ничего не рассказывать: она и так все поймет. Родительский инстинкт, как-никак.

Я краснею, поворачиваюсь к столу и продолжаю чистить эти дурацкие яйца.

Глава 8

Майлз

Шестью годами ранее

– Вечером иду к Иэну, – сообщаю я папе.

Ему не до того. Он собирается на свидание с Лисой. Лиса занимает все его мысли.

Лиса стала для папы всем.

Раньше всем для него была Кэрол. А иногда – Кэрол и Майлз.

Теперь их место заняла Лиса.

Это ничего, потому что раньше всем для меня были он и Кэрол.

Теперь – нет.

Я спрашиваю Рейчел эсэмэской, где ее лучше встретить. Она отвечает: Лиса ушла, можно заехать к ним домой.

Добравшись до места, я не могу решить, выходить из машины или нет. Не могу понять, хочет ли этого Рейчел.

В конце концов подхожу к двери и стучу. Когда Рейчел открывает, меня охватывает замешательство. С одной стороны, хочется извиниться за то, что я ее поцеловал.

С другой – закидать вопросами, чтобы узнать о ней все.

Но больше всего хочется еще раз ее поцеловать, особенно теперь, когда дверь открыта и она стоит прямо передо мной.

– Может, зайдешь ненадолго? – спрашивает Рейчел. – Мама вернется только через пару часов.

Я качаю головой. Интересно, любит ли она мои кивки так же сильно, как я ее?..

Рейчел захлопывает дверь, и я осматриваюсь. Квартира совсем небольшая. Никогда не жил в таком маленьком месте. Пожалуй, мне нравится. Чем меньше места, тем сильнее люди любят друг друга. У них просто недостаточно свободного пространства, чтобы друг друга не любить. Вот бы и нам с папой переехать в дом покомпактнее. Дом, где мы будем вынуждены общаться. Дом, где не надо делать вид, будто мамина смерть не оставила после себя слишком много пустоты.

Рейчел проходит в кухню, спрашивает, не хочу ли я чего-нибудь выпить.

Я интересуюсь, что у нее есть. Она отвечает, что имеется практически все, кроме молока, чая, газировки, кофе, сока и спиртного.

– Надеюсь, ты любишь воду, – говорит она и сама над собой смеется.

Я смеюсь вместе с ней.

– Вода – это прекрасно. Я бы и так ее выбрал.

Рейчел наполняет стаканы, и мы становимся напротив друг друга.

Смотрим друг на друга.

Зря я вчера ее поцеловал...

– Я не должен был целовать тебя, Рейчел.

– А я не должна была тебе позволять.

Снова обмениваемся молчаливыми взглядами.

Интересно, позволит ли она еще раз себя поцеловать?

Может, лучше уйти?

– Мы легко можем покончить с этим.

Я лгу.

– Нет, не можем.

Рейчел говорит правду.

– Думаешь, они поженятся?

Рейчел кивает. Этот кивок я люблю не так сильно, как прежние. Мне не нравится вопрос, на который он служит ответом.

– Майлз...

Рейчел глядит себе под ноги. Она произносит мое имя так, словно делает предупреждающий выстрел и мне пора спасаться бегством.

Я бросаюсь наутек.

– Что?

– Мы сняли квартиру только на месяц. Вчера я слышала, как она говорила с ним по телефону. Через две недели мы переезжаем к вам.

На бегу я спотыкаюсь о препятствие.

Рейчел переезжает ко мне...

Будет жить со мной в одном доме...

Ее мать заполнит все то пустое пространство, что осталось после моей мамы...

Я зажмуриваюсь и вижу перед собой Рейчел.

Открываю глаза и смотрю на Рейчел.

Отворачиваюсь и стискиваю край стола. Голова падает на грудь. Не знаю, что мне делать. Не хочу, чтобы она мне нравилась.

Не хочу влюбляться в тебя, Рейчел...

Я не дурак и понимаю, как действует вожделение.

Вожделение всегда требует недоступного.

Вожделение хочет, чтобы я получил Рейчел.

А здравый смысл жаждет, чтобы она исчезла.

Я встаю на сторону рассудка и снова поворачиваюсь к ней.

– Это ни к чему не приведет, – говорю я. – То, что между нами происходит. Добром точно не кончится.

– Знаю, – шепчет Рейчел.

– Как же нам положить этому конец?

Она глядит на меня в надежде, что я сам отвечу на собственный вопрос.

Но я не могу.

Тишина.

Тишина.

Тишина.

ОГЛУШИТЕЛЬНАЯ, ДУШЕРАЗДИРАЮЩАЯ ТИШИНА.

Хочется зажать уши руками. Облечь сердце в броню.

Я даже не знаю тебя, Рейчел...

– Мне лучше уйти, – говорю в конце концов.

– Хорошо.

– Но я не могу...

– Хорошо.

Мы снова глядим друг на друга.

Может, если смотреть достаточно долго, мне надоест?

Хочу опять ощутить ее вкус...

Может, если упиться ее вкусом, мне надоест?

Рейчел не ждет, пока я до нее дотянусь, – встречает меня на полпути.

Я стискиваю в ладонях ее лицо, она сжимает мои плечи, и ее чувство вины соединяется с моим в тот же миг, когда сливаются воедино наши губы.

Мы лжем сами себе. Говорим, что найдем выход, хотя на самом деле выхода нет.

Моей коже хорошо, когда до нее дотрагивается Рейчел. Моим волосам хорошо, когда их касаются пальцы Рейчел. Моему рту хорошо, когда в нем оказывается язык Рейчел.

Если бы можно было всегда дышать так...

Жить так...

Мир был бы прекрасен.

Рейчел стоит, прислонившись к холодильнику. Мои ладони – по сторонам от ее лица. Я отстраняюсь и гляжу на нее.

– Мне хочется задать тебе миллион вопросов.

– Тогда начинай, – с улыбкой отвечает она.

– Куда ты поедешь, чтобы учиться в колледже?

– В Мичиган, а ты?

– Останусь здесь, пока не получу степень бакалавра, а потом мы с моим лучшим другом Иэном поступим в летную школу. Хочу стать пилотом, а ты?

– А я хочу стать счастливой.

Идеальный ответ.

– Когда у тебя день рождения?

– Третьего января. Мне исполнится восемнадцать. А у тебя когда?

– Завтра. Мне тоже исполнится восемнадцать.

Рейчел не верит, что мой день рождения действительно завтра. Я показываю ей права. Она поздравляет меня и снова целует.

– Что же будет, если наши родители поженятся? – спрашиваю я.

– Они в любом случае не одобряют наших отношений, даже если не поженятся.

Рейчел права. Такое нелегко будет объяснить окружающим.

– Тогда зачем продолжать, если и так ясно, что ничем хорошим это не кончится?

– Затем, что мы не можем остановиться.

Рейчел снова права.

– Через семь месяцев ты уедешь в Мичиган, а я останусь в Сан-Франциско. Может, это и есть ответ.

– Семь месяцев?

Я киваю и дотрагиваюсь пальцем до ее губ. Такими губами

стоит восхищаться, даже когда их не целуешь.

– Встречаемся семь месяцев. Никому не рассказываем. А потом... – я не договариваю, потому что не могу произнести слово «расстаемся».

– А потом расстаемся, – шепчет Рейчел.

– Расстаемся, – вторю ей и буквально слышу, как начинается обратный отсчет.

Я целую Рейчел. Теперь, когда у нас есть план, целовать ее еще приятнее.

– У нас получится, Рейчел.

– У нас получится, Майлз.

Я уделяю ее губам то внимание, которого они заслуживают.

Я буду любить тебя семь месяцев, Рейчел...

Глава 9

Тейт

– Доктора! – требует Корбин, входя в кухню.

Вслед за ним появляется Майлз. Корбин указывает на друга, чья рука в крови. Майлз глядит на меня так, словно я обязана знать, что делать.

Это не отделение неотложной помощи! Это кухня моей матери!

– Не поможешь? – спрашивает Майлз, крепко стискивая запястье. Кровь капает прямо на пол.

– Мама! – кричу я. – Где аптечка?

Открываю один шкафчик за другим, тщетно пытаюсь ее отыскать.

– В ванной на первом этаже! Под раковиной!

Я указываю на дверь ванной, и Майлз послушно следует за мной. Достая из шкафчика нужную коробочку. Захлопываю крышку унитаза и велю Майлзу сесть. Сама пристраиваюсь на край ванны и осматриваю его руку.

– Как это тебя угораздило?

Вытираю кровь и изучаю порез. Глубокий. Прямо по центру ладони.

– Схватился за приставную лестницу. Она чуть не перевернулась.

– Лучше бы ты дал ей упасть.

– Не мог. На ней стоял Корбин.

Я удивленно скидываю голову. И вижу, что Майлз смотрит на меня пронзительными голубыми глазами. Снова обращаю все внимание на его руку.

– Придется зашивать.

– Уверена?

– Да. Хочешь, отвезу тебя в неотложку?

– А сама наложить швы не можешь?

– У меня нет специальных материалов. Нужна хирургическая нить – рана довольно глубокая.

Здоровой рукой Майлз роется в аптечке. Он достает катушку ниток и протягивает мне.

– Вперед.

– Майлз, это же не пуговицу пришить!

– Не хочу целый день торчать в больнице из-за какого-то пореза. Сделай что можешь. Все будет хорошо.

Я тоже не хочу, чтобы он весь день провел в больнице.

Потому что тогда его не будет здесь.

– Если начнется заражение крови и ты умрешь, я не виновата.

– Если начнется заражение крови и я умру, то уже не смогу тебя обвинить.

– Логично.

Я снова промываю рану, потом достаю все необходимое и раскладываю на столешнице рядом с раковиной. Мне

неудобно, я встаю, ставлю одну ногу на край ванны и кладу его руку себе на колено.

Кладу его руку себе на колено...

Черт...

Нет, пока его ладонь у меня на колене, ничего не выйдет. Если хочу, чтобы пальцы не дрожали, надо расположиться по-другому.

– Так не пойдет, – говорю я, поворачиваясь к Майлзу.

Опускаю его руку на столешницу и встаю прямо перед ним.

Менее удобно, зато пальцы Майлза не будут касаться моего колена, пока я накладываю шов.

– Будет больно, – предупреждаю я.

Он смеется, как будто познал настоящую боль, а эта для него – ничто.

Я прокалываю кожу Майлза иглой, он даже не вздрагивает. Не издает ни звука. Просто смотрит, как я работаю. Время от времени заглядывает мне в лицо. Мы не разговариваем. Как и всегда.

Я стараюсь не обращать внимания на Майлза. Полностью сосредоточиться на ране, которую срочно надо зашить. Но Майлз так близко – я чувствую на щеке его дыхание. А дышит он часто.

– Останется шрам, – еле слышно шепчу я.

И куда вдруг подевался мой голос?

Я в четвертый раз втыкаю иглу. Майлзу больно, но он не

показывает. Каждый раз, как только игла прокалывает кожу, я еле сдерживаюсь, чтобы самой не вздрогнуть вместо него.

Нужно сконцентрироваться на ране, но я все время чувствую, как наши ноги соприкасаются. Здоровая рука Майлза лежит на бедре, и кончик одного пальца задевает мое колено.

Столько всего происходит в этот момент, а я могу думать только о кончике его пальца. Он жжет меня сквозь штанину раскаленным металлом. Майлз сидит передо мной с глубоким порезом на ладони, кровь пропитывает подложенное под нее полотенце, я иглой раню его кожу, а меня занимает лишь легкое прикосновение его пальца к моей ноге.

Интересно, как бы ощущалось это касание без тонкого слоя джинсовой ткани?

На секунду наши глаза встречаются, и я немедленно опускаю взор на его ладонь. Майлз на нее даже не смотрит. Он пристально глядит на меня, и я изо всех сил стараюсь не обращать внимания на его дыхание.

Почему оно участилось? Потому что я стою так близко? Или потому что больно?

Майлз дотрагивается до моего колена двумя пальцами...

Тремя...

Я делаю вдох и пробую сосредоточиться на работе.

Но не могу.

Он это нарочно. Не просто случайно задел. Майлз трогает меня, потому что ему так хочется. Он проводит пальцами по моей ноге. Со вздохом кладет голову мне на плечо и сжимает

мою икру.

Сама не пойму, как мне удастся устоять на ногах.

– Тейт... – с болью в голосе шепчет Майлз.

Я останавливаюсь. Сейчас он скажет, что ему больно. Попросят подождать немного. Он ведь поэтому меня трогает? Потому что ему больно?

Майлз молчит, я делаю последний стежок и завязываю нитку узлом.

– Готово, – говорю я и кладу нитку с иглой на столешницу. Майлз не отпускает меня, а я не отстраняюсь.

Его рука медленно скользит по моей ноге к бедру и выше, к спине.

Дыши, Тейт!

Майлз за талию притягивает меня к себе. Его голова по-прежнему на моем плече. Я инстинктивно обнимаю его за плечи, чтобы не упасть.

Все мышцы моего тела разучились выполнять свои функции.

Я все еще стою, Майлз все еще сидит, но теперь я зажата между его колен – так близко он притянул меня к себе. Майлз медленно поднимает голову, и я невольно опускаю веки – я так нервничаю, что даже взглянуть на него не могу.

Чувствую, как Майлз отводит голову назад, чтобы взглянуть мне в лицо, но мои глаза по-прежнему закрыты. Смыкаю веки еще крепче. Не знаю почему. В этот момент я вообще ничего знать не хочу. Только его.

Кажется, Майлз намерен меня поцеловать.

Я сама хочу, жажду поцеловать его.

Рука Майлза медленно скользит по моей спине до тех пор, пока не достигает шеи. Такое чувство, словно там, где он до-трагивается до меня, остаются следы. Губы Майлза почти касаются моей щеки. Они так близко, что неясно – это его губы или дыхание я чувствую своей кожей.

Я сейчас умру, а в этой дурацкой аптечке нет средства, чтобы меня спасти.

Пальцы Майлза крепче обхватывают мою шею, и... он меня убивает.

Или целует. Не уверена, что именно он делает, потому как особой разницы нет. Его губы на моих губах словно жизнь, смерть и перерождение – все одновременно.

Боже, он меня целует...

Его язык у меня во рту, нежно поглаживает мой, а я даже не помню, как это произошло. Неважно.

Не отрываясь от моих губ, он встает и прижимает меня к стене. Рука, которая придерживала мою голову, теперь опускается на талию.

Боже мой, какой властный рот...

Черт побери, у Майлза только что вырвался стон...

Рука от талии медленно перемещается к бедру.

Убей меня... просто убей...

Майлз забрасывает мою ногу себе на пояс, прильнув всем телом ко мне. Это так восхитительно, что я издаю стон прямо

в его губы.

И на этом все кончается...

Почему он отстранился? Нет, не останавливаясь, Майлз...

Он опускает мою ногу и тут же упирается ладонью в стену, словно боясь упасть.

Нет, нет, нет... продолжай... вернись к моим губам...

Я хочу заглянуть ему в глаза, но они закрыты, будто жалеют о содеянном...

Только не смотри, Майлз... Не хочу видеть сожаления в твоём взгляде...

Мы оба молчим и пытаемся отдышаться. После нескольких глубоких вдохов Майлз отталкивается от стены и подходит к раковине. Пока он не отвернулся, глаза, к счастью, у него были закрыты. Теперь же Майлз ко мне спиной, и я не наблюдаю сожаления, которое он явно испытывает. Майлз берет ножницы и отрезает полоску бинта.

Я приклеена к стене. Так и останусь тут навсегда, словно кусок обоев.

– Не надо было этого делать.

Голос у Майлза холодный и твердый. Слово металл. Слово меч.

– Я же не возражала.

У меня голос совсем не железный. Он похож на воду. Он сейчас испарится.

Майлз перебинтовывает руку и поворачивается ко мне.

Взгляд у него такой же жесткий, как голос. И холодный. Как сталь. Как кинжал, перерубающий ниточку, на которой держалась смутная надежда – та, которую подарил мне его поцелуй.

– Больше никогда не позволяй мне этого делать.

Но я хочу, чтобы он делал «это» – хочу больше, чем праздничный ужин. Но Майлзу не отвечаю ничего. Не могу говорить, потому что его сожаление комком застряло в горле.

Майлз открывает дверь и выходит.

Я по-прежнему приклеена к стене.

Как...

Это...

Понимать?!

* * *

К стене я больше не приклеена.

Теперь я приклеена к стулу.

За столом я сижу рядом с Майлзом.

С Майлзом, с которым не заговаривала с тех пор, как он назвал себя, нас и наш поцелуй словом «это».

«Больше никогда не позволяй мне этого делать».

Однако я бы не смогла ему помешать, даже если бы попыталась. Я настолько жажду «этого», что даже пропал аппетит, а ведь я так люблю ужин на День благодарения. Иначе говоря, мне ужасно хочется «этого», и я не имею в виду еду

на тарелке.

«Это» – значит Майлз. Мы с ним. Я, целующая его. Он, целующий меня.

В горле внезапно пересохло. Я тянусь за стаканом с водой и тремя большими глотками осушаю половину.

– Майлз, у вас есть девушка? – спрашивает мама.

Да, мама, задавай, задавай ему такие вопросы, потому что мне слишком страшно интересоваться таким самой.

Майлз прочищает горло.

– Нет, мэм.

Корбин издает чуть слышный смешок, от которого в груди у меня поднимается облачко разочарования. Видимо, у Майлза такой же взгляд на отношения с женщинами, как и у брата. Оттого Корбину и забавно, что мама могла вообразить, будто его друг способен на верность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.